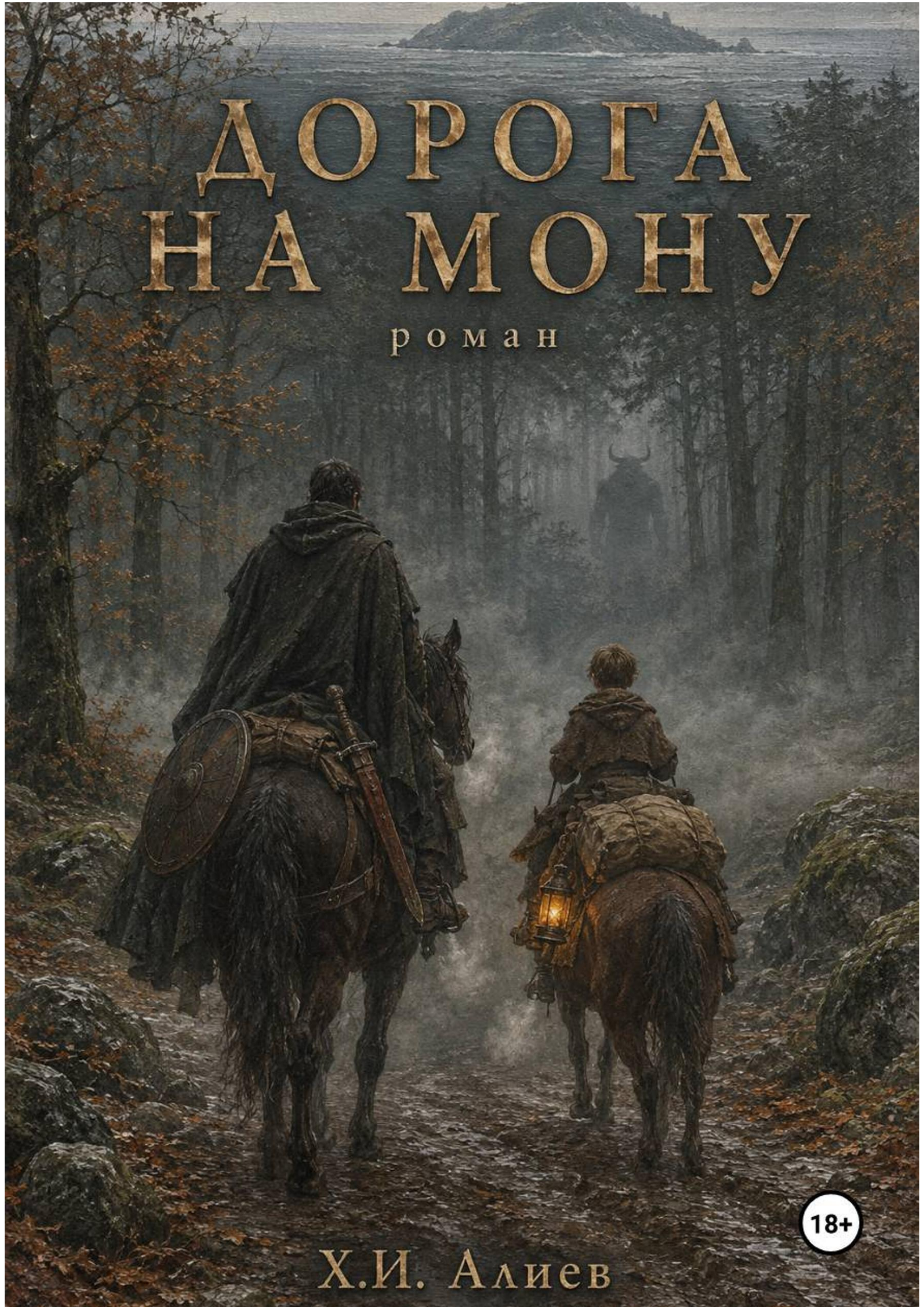
ДОРОГА
НА МОНУ
роман
18+
Х.И. Алиев

Хаджимурат Алиев

Дорога на Мону

«Автор»
2026

Алиев Х.

Дорога на Мону / Х. Алиев — «Автор», 2026

В Тевтобургском лесу погибли три легиона. Гай Кассий Лонгин вернулся оттуда живым, и это единственное, что он вынес: римские лекари не находят у него болезни, а знающие люди говорят о проклятии германских жриц и советуют искать тех, кто умеет снимать наложенное. В Галлии таких не осталось. Остались слухи, что они уцелели на острове, куда Рим ещё не пришёл.Он едет туда, но с первых страниц видно: за ответом дело не станет, важнее дорога. Кассий берёт с собой восьмилетнего сына Тиберия, потому что оставить мальчика некому; год назад умерла мать, и отец с сыном разучились разговаривать. В дороге они этому учатся, медленнее, чем ходят легионы, и не всегда вовремя. На этом пути их ждут сражения, политическая борьба, поиск союзников и предательство друзей.Роман о дороге, за которую платят людьми, и об отце и сыне, у которых нет ничего, кроме этой дороги и друг друга.

© Алиев Х., 2026
© Автор, 2026

Дорога на Мону

Дорога на Мону
Обращение к читателю

Дорогие читатели, Перед тем, как вы отправитесь в мир Древнего Рима, я должен признаться в одном - эта книга началась не с Кассия и не с Тевтобургского леса. Она началась с простой, почти скучной мысли: в истории, которую мы называем великой, всегда недостаёт простого человека, который всё это пережил. Три легиона сгинули в Тевтобургском лесу — так пишет история. А я захотел знать, каково это — остаться в живых, когда всех, кого ты знал, больше нет. Каково нести это домой. И каково продолжать жить, когда все светлое в тебе запрятано глубоко.

Мир этой книги — смесь истории и вымысла. В нём есть реальные места, маршруты и детали, оставшиеся в хронниках истории, и есть то, что живёт в легендах, в снах, в старых именах, которые боятся произносить вслух.

Некоторые детали (например, названия племён, курсы монет, расстояния между городами) основаны на исторических данных, другие — на художественной необходимости.

Вы заметите, что мои герои много считают. Монеты, дни, шаги, потерянных людей. Это не привычка — это способ держаться за мир, когда мир трещит. Солдат считает павших после боя , вдовец считает ночи без жены, ребёнок считает заборы из веток, потому что другие вещи у него отняли. И если где-то в этой книге счёт вдруг перестанет получаться — не пугайтесь. Это не ошибка переписчика, счёт сбивается потому что стало тяжело считать. А самое страшное начинается там, где считать становится нечего и остаётся только ждать.

В дорогу я беру с собой не битвы ради славы. Я беру отца и сына. Всё остальное — лес, вода, империя, легенды и мифы, что не осмелюсь объяснить до конца, — придёт к вам само.

Пойдемте. Дорога ждёт.

Часть первая. Чужая война

Глава 1: Целители

10 г. н.э. Рим, Альбанские горы.

Кассий сидел в таблине над отчётами с самого утра. Стилус лежал поперёк вощёной дощечки, воск застыл и потрескался: он давно ничего не писал, только перекладывал листы. Верхний список был прошлогодний, о потерях, и он знал его наизусть: три легиона, номера, имена центурионов, сколько не вернулось. Если смотреть на строки долго, они начинали расползаться. Он смотрел долго.

Ключица заныла. Кассий переждал, прижав ладонь к плечу, и выпрямился. Голова закружилась, его немного повело. В последний год это случалось всё чаще, и он научился не подавать виду.

С веранды был виден сад. Ещё недавно за ним ходили двое садовников, и в мае здесь пахло так, что Флавия выносила из дома скамью и сидела до темноты. Теперь трава стояла по колено, яблони обросли волчьими побегами, а дорожка к дальнему роднику заросла так, что угадывалась только по провалу в траве. Кассий смотрел на сад и думал, что весной надо велеть его вычистить. Он думал так каждую весну.

У входа в таблин появился Луций Бальб, управляющий, служивший ещё при отце Кассия и оставшийся в доме при нём. Кассий поднял глаза не сразу.

— Господин. — Луций остановился в шаге от стола и сложил руки.

— Говори.

— Боюсь, у меня дурные новости.

Кассий молчал, ждал.

Луций всегда начинал с этого. Так он предупреждал, что разговор будет неприятным.

— Вода в дальнем роднике горчит. Раньше была сладкой, теперь нет.

— Эта вся новость?

Луций помотал головой.

— На амфоре в кладовой узор. Не резьба. Проступил сам. Я велел убрать её в тень, с глаз долой.

— Покажи.

— Сейчас?

— Сейчас.

Они спустились по лестнице мимо спален. В атрии было темно, очаг не разжигали, и стол, за которым когда-то собирались, стоял сдвинутым к стене. У кухонной двери Кассий услышал, как повар что-то резко говорит мальчишке и как тот замолкает на полуслове. В последние недели в доме вообще стали говорить тише, будто слуги понижали голос не только при нём.

Родник был за садом, у самого склона, в каменной нише, поросшей мхом. Луций зачерпнул ковшом и подал. Вода была холодная и пахла камнем. Кассий сделал глоток и не сразу понял, что не так: сладкой она не была. На языке оседала сухая горечь, как от полыни, и после неё хотелось сплюнуть.

— Ты пробовал?

— Пробовал, господин. Третьего дня горчило меньше.

— А раньше?

— Раньше не горчило.

В кладовой было темно и пахло маслом и пылью. Луций поднял светильник над амфорой, и Кассий наклонился. По глине шли тонкие светлые линии, точно процарапанные изнутри и затянутые снаружи чем-то белым. Он провёл пальцем: гладко.

— Переверни.

Луций перевернул. На дне линии сплетались в знак, которого Кассий не знал.

— Кому-нибудь показывал?

— Никому. Велел молчать.

— Молчи и дальше.

Обратно шли через сад, и Луций, придержав дверь, сказал не сразу:

— Рабы шепчутся, господин. Это байки Вульфара. Он говорит, что на доме проклятие. Я хотел велеть его высечь, но прежде подумал, что вам следует об этом знать.

— Веди его в таблинум.

Спустя несколько минут в таблин ввели раба по имени Вульфар, херуска, бывшего воина. Плечи ещё держали силу, а руки висели вдоль тела, как вещи, которыми давно не пользуются.

Борода росла клочьями, седыми у рта. В шаге позади него держался Луций. Кассий первым взял слово:

— Вульфар, зачем ты пугаешь людей в этом доме?

Глаза у раба были опущены. Он мялся, переступал с ноги на ногу, потом решился и заговорил с заметным акцентом:

— Хозяин, я не хотел худо. Вы добрый были. Но что я вижу, то я и раньше видел. Кончалось плохо.

Раздражение, которое Кассий держал в узде с самого утра, отступило, а на его место пришло любопытство, которого он давно за собой не замечал.

— Что ты видел раньше?

— Жрецы. За Рейном. У них большая сила, хозяин. Я видел, как скот падал. Люди падали. Ритуалы, жертвы. — Вульфар поднял глаза. — Вы ведь чувствуете, да? В теле. И в мыслях.

Кассий не ответил.

— Где ты был в тот год, когда Вар повёл легионы в лес? — спросил он.

Вульфар не сразу нашёл глазами, куда смотреть.

— За Рейном, хозяин. Мы все были за Рейном.

— В том лесу?

— Нет. — Он помолчал. — В том лесу были другие. Их больше нет.

Кассий смотрел на него дольше, чем собирался.

— И земля сохнет там, где лежит их гнев. Трава. Вода. Всё.

Любопытство кануло так же быстро, как пришло.

— И что же ты мне предсказываешь? Не хватало мне только в доме германских прорицательниц, вещающих гибель. Может, ты и от того лекарство знаешь?

Раб услышал раздражение хозяина и постарался заговорить как можно примирительнее:

— Нет, хозяин. Простите. Не знаю.

— Ступай. На этот раз не накажу. Но услышу снова — простой поркой не отделаешься.

Вульфар поклонился и вышел. Луций остался стоять у двери.

— И ещё, господин. Мальчик.

— Что с ним?

— После смерти госпожи Флавии…

Кассий положил стилус. Гнев поднимался каждый раз, когда при нём называли её имя, и он ждал, пока пройдёт.

— Луций. Мне не хуже твоего известно, что моя Флав… супруга была досточтимой и что её больше нет с нами. Переходи к тому, что хотел сказать.

— Прошу прощения, господин. Мальчик здоров. Но с того дня, как лишился матери, он замкнут. Я надеялся, это пройдёт, а за год так и не видел, чтобы он играл или интересовался тем, чем интересуются дети его возраста. Он никого к себе не подпускает, кроме конюха, и то лишь потому, что без этого не обойтись на прогулках.

Луций помолчал и закончил:

— И сны, господин. Кошмары, почти каждую ночь. Я боюсь за него.

— Я понял. Подумаю, что можно сделать. — Кассий помолчал. — Вечером жду сенатора Демициана. Вели накрыть в гостиной и достать фалернское.

— Как пожелаете, господин.

До вечера оставалось время, и Кассий пошёл в сад.

Тиберий сидел на корточках у дорожки к роднику, там, где она уходила в траву, и втыкал в землю сухие ветки, одну за другой, ровно, на равном расстоянии. Ряд был длиной шагов в десять и упирался в заросли.

— Что это?

— Забор. — Мальчик не поднял головы. — Чтобы трава дальше не шла.

— Трава не ходит.

— Ходит. Она за лето дошла до крыльца. Конюх говорит, если не косить, дойдёт до дома.

Кассий посмотрел на его руки: ногти обломаны, на ладонях земля. Он хотел сказать, что забор из веток не удержит и кошки, и не сказал.

— Ты сегодня не уедешь? — спросил мальчик, не поднимая головы.

— Нет.

— А завтра?

Кассий не ответил сразу. Тиберий поднял глаза, снизу вверх, и ждал.

— Я не поеду без тебя, — сказал Кассий.

— Знаю, — сказал Тиберий. — Ты всегда уходишь до света.

Он воткнул последнюю ветку, поднялся и отряхнул колени. Потом посмотрел вдоль своего забора, проверяя, ровно ли вышло.

— Тебе не холодно? — спросил Кассий.

— Нет. — Мальчик пошёл к дому. Дверь его комнаты закрылась наверху тихо, но Кассий всё равно услышал.

Гость приехал, когда стемнело. Слуги раскрыли створки ворот, и в проёме показался силуэт, за которым последовал знакомый голос:

— Кассий! Дружище, до твоей глуши не доедешь, а доползёшь. Я уж думал, заночую в лесу и буду объясняться с волками.

Они сблизились и пожали друг другу предплечья.

— Рад, что ты добрался. Позволь скрасить тебе вечер вином из моих запасов. — Кассий сделал жест рукой, приглашая ко входу.

— Поберегись, я с пустыми руками не приезжаю. — Демициан хлопнул его по плечу. — И, кстати, держу пари, ты с прошлой зимы не был дальше своего сада.

— Проиграешь.

— Тем лучше для тебя.

В гостиной уже был накрыт стол и разлито вино по кубкам. Демициан пригубил и сразу поднял удивлённые глаза.

— Фалернское?

Кассий подмигнул:

— Остались небольшие запасы для встречи старых друзей. Ну что ж, расскажи, что тебя привело ко мне. Надеюсь, в Риме всё в порядке?

Сенатор поставил кубок не на подставку, а рядом с ней.

— В Риме всё как всегда. По правде говоря, я переживаю за тебя: ты совсем не выбираешься отсюда. За год мы виделись трижды, и надеюсь, ты не обидишься, но с каждым разом ты выглядишь хуже. Как здоровье?

Кассию было приятно, что друг о нём тревожится, но удручало, что его состояние всё заметнее для окружающих.

— В общем-то в порядке, насколько это возможно. Пару раз терял сознание, порой кружится голова, ноет в ключице, — он усмехнулся и продолжил: — Кажется, либо врачи еще не изучили все недуги человеческого тела, либо мне попадаются одни мошенники.

— Так и не установили причину? — Демициан подался вперёд. — Совсем ничего?

— Обращался к лучшим врачам, каких может предложить Рим. Все говорят, что физически я здоров, и разводят руками.

Сенатор нахмурился и стал крошить в пальцах хлебную корку.

— Вода в твоём роднике ещё сладкая? — спросил он вдруг.

Кассий не ответил сразу.

— С чего ты взял, что дело в воде?

— Старики в Галлии говорят: если родник пошёл горем, хозяину недолго. — Демициан отряхнул крошки. — Я всегда смеялся. До сегодняшнего вечера смеялся.

Кассий посмотрел на него и ничего не сказал.

— Послушай, Кассий. Ты ведь помнишь, что я немало времени провёл в землях галлов?

— Такое забудешь. — Кассий взял кубок. — Я наслушался твоих историй тех лет.

— Так вот. Я знаю, что самая развитая наука и лучшие врачи — в Риме. Но я не раз своими глазами видел, как галльские целители помогали там, где наука была бессильна. — Сенатор пожал плечами.

Кассий мгновение смотрел на друга, а потом рассмеялся так, как не смеялся давно. Сенатор открыл рот и закрыл. Кассий примирительно вытянул руки.

— Друг мой, ты предлагаешь мне обратиться за помощью к друидам? К тем, кого Рим десятилетиями выжигал вместе с поселениями и тем, что для них свято? И как лихо ты назвал их «целителями»! Ты решил, что если друидов начать называть целителями, они обо всем позабудут и кинутся помогать каждому римлянину? — закончил он, продолжая улыбаться.

Сенатор подождал, пока Кассий отсмеётся, и ответил:

— А что ты теряешь, даже если попытаешься и ничего не выйдет? Ты с Тиберием ни разу не путешествовал. Возьми мальчишку с собой, проведите время вместе. Если ты решил отвергнуть стоицизм и раскиснуть, как молоко на солнце, мальчику от этого не легче: ему нужен отец, живой. Не хочешь принять мое предложение для себя, сделай это для него. — Сенатор положил руку на плечо друга.

Оба замолчали и некоторое время ели нежного ягнёнка с чесночными приправами, запивая остатками фалернского. Дальше беседа свелась к последним новостям Рима и событиям из прошлого. Ближе к полуночи друзья простились до утра, и подпитый сенатор ушёл в спальню на втором этаже, где обычно располагался, приезжая в гости.

Кассий поднялся к себе. Наверху было тихо, только за одной дверью, у Тиберия, слышалось ровное дыхание и потом, через минуту, короткий всхлип: мальчик отбивался во сне от кого-то. Кассий остановился и взялся за ручку. Постоял. Не повернул. Пошёл дальше по коридору.

В своей спальне он лёг и долго слушал дом. Внизу Луций гасил светильники и запирал кладовую; на веранде постукивал ставень, пока ветер не стих. Сон не шёл.

Ехать в Галлию искать друидов. Глупость, какой он давно не слышал. И всё-таки он знал, что поедет. Не за лекарством: в исцеление он не верил и давно смирился с тем, что жить ему осталось несколько лет, — это было стыдно, но ясно, как отчёт о потерях. Но есть Тиберий. Восемь лет, а он всё тот же малыш, которого Кассий любил сильнее всего на свете. Что он вспомнит об отце? Как последние годы тот просидел с тухлым видом и делал вид, что судьба сына его не касается? Нет. Друг прав: надо хотя бы сблизиться с сыном и успеть сказать ему то, что должен сказать хороший отец, прежде чем остановится его сердце. За пару часов до рассвета он уснул.

Солнце било в ставни. От вчерашнего вина голова болела так, что он полежал ещё немного, прежде чем встать. В гостиной сенатор уже сидел над чашей и выглядел так, будто вчера не пил вовсе.

— Кассий, какое чудное утречко, не правда ли?

— Прошу тебя, Демициан, не так громко.

Сенатор только рассмеялся и дальше продолжил громко вести разговор.

После завтрака они уединились на веранде, выходившей из таблина.

— Мне уже нужно ехать, если я хочу добраться до Рима засветло. Но позволишь кое-что спросить?

— Конечно. Как я могу отказать тебе в очередном неудобном вопросе?

Сенатор улыбнулся:

— Ты ведь так и не рассказал, что произошло в Тевтобургском лесу.

Кассий почувствовал, как вновь засвербело в ключице и по спине прошёл холод. Он тяжело выдохнул.

— Рассказывать нечего, — сказал Кассий. — Я просил Вара не входить в лес, пока не будет разведки. Меня не послушали. В лесу нас ждали.

— Ты же не мог этого знать, — сказал сенатор. — И не должен винить себя за то, что выжил.

— Выжило не так много людей. Одни погибли героической смертью, стоя до последнего. Другие вырвались из кольца. А я… я даже не помню, как все было и как меня оттуда вытащили. Посмотри вперед. Что ты слышишь?

— Вперёд? — Сенатор повернулся к поляне и прислушался. — Птицы. И всё. Тишина и покой. Вероятно, поэтому ты тут и живёшь.

— Вот именно. Тишина и покой. Так было и там, перед боем. А потом я услышал ржание и лязг, а поверх них шёпот. Его было не разобрать, сколько ни прислушивайся, и от него болела голова. Потомпелена перед глазами и крики. Это была бойня. Дальше я ничего не помню: выжившие унесли меня с поля, я приходил в себя на мгновения, а очнулся через несколько недель и узнал, что всех, с кем я служил, любил, радовался и горевал, больше нет. Уцелел я потому, что упал с коня раньше, чем понял, что падаю, и меня сочли мёртвым. Это не история героя, Демициан.

Сенатор хотел подобрать слова, чтобы утешить друга, и не находил. Прежде чем он заговорил, Кассий продолжил:

— Но ты был прав. Эта поездка с Тиберием мне нужна, и я сделаю то, что ты предложил. Дашь советы?

— Я так и знал, что ты прислушаешься к голосу разума, — сенатор отставил чашу и стал загибать пальцы. — Тогда слушай. Одному тебе ехать нельзя: ты уже не солдат и без людей не поедешь, а люди нужны такие, чтобы не болтали. Я нашёл одного. Квинт Корнелий, отставной центурион, служил в легионах, под конец карьеры переведён в преторианскую гвардию. Выйдя на пенсию, он выяснил, что мирная жизнь не для него. Мы с ним поговорили, и он согласился тебя сопроводить за небольшое вознаграждение. Будет ждать тебя завтра вечером в таверне дальше по дороге. Выступишь утром, как раз успеешь.

— Как я его узнаю?

— Спросишь человека со шрамом от скулы к углу рта. Такой в таверне будет один.

— А в Галлии куда ехать?

— В Галлии каждый второй торгует вином, но тебе нужен один. Могурикс. Толстый, рыжий, говорит больше, чем нужно, и знает все дороги от Массилии до моря. Найдёшь его — найдёшь и остальное.

— Ты сказал «и остальное».

— Я сказал то, что сказал.

Сенатор одёрнул тунику, будто уже сидел на коне.

— Ты нанял его до того, как спросил меня, — сказал Кассий. — Ты всё решил за меня.

— Я поставил на тебя, друг мой. Проиграл бы — потерял бы пару монет. А так выиграли оба. — Он улыбнулся, и улыбка была самая добрая. — Иначе вышло бы неловко.

Кассий смотрел, как слуга выводит со двора сенаторского коня, и впервые за год ему стало не по себе.

Глава 2: Упитанный гусак

— Мы с Тиберием уезжаем в Галлию. Завтра утром, — сказал Кассий.

Луций стоял у стола с вощёной дощечкой в руках и не сразу нашёлся. Тиберий, которого позвали из сада, держался за косяк.

— В Галлию, господин? — Луций переложил дощечку из руки в руку. — Зачем?

— Есть дело.

— Какое дело? — Луций спросил тихо и не отступил. — Я двадцать лет веду ваши книги. Если нужно что-то купить или продать, это делают люди, не отходя от дома.

— Нельзя. — Кассий посмотрел на него. — И больше не спрашивай. Чем меньше в доме знают, куда я поехал, тем целее дом и все, кто в нём. У тебя в доме и без того шепчутся на каждом углу.

Луций опустил глаза, почувствовав укор.

— Слуг я не беру. Никого. — Кассий повернулся к управляющему. — Приготовь мне походный гладий и запасной. И коней: двух под нас с Тиберием и одного в поводу.

— Господин, — Луций понизил голос, будто боялся, что услышит мальчик, — дорога в Галлию неспокойна. Без людей, без охраны, вдвоём…

— Нас будет трое. — Кассий посмотрел на сына. — Завтра вечером в таверне нас ждёт человек.

Тиберий смотрел на отца, потом улыбнулся, коротко, будто улыбку могли отобрать, и спросил:

— Я поеду верхом?

— Поедешь.

Луций промолчал, но губы у него сжались.

Сборы начались в тот же час. Луций вышел во двор и велел выносить перемётные сумы, войлок, мешочки с солью; слуги бегали от амбара к конюшне, и каждого он останавливал коротким словом: не то, не так, перевязать.

Тиберий не отходил от конюшни. Он принёс из своей комнаты плащ, тёплый, ещё зимний, и складывал его сам, вчетверо, потом разворачивал и складывал снова. Конюх подсадил его на мерина, и мальчик сидел, выпрямившись, слишком высоко подняв подбородок.

Кассий смотрел на это с порога и вдруг услышал не двор, а военный лагерь: скрип ремней, ругань центурионов, стук кольев о землю. Он почти потянулся за плащом, как тогда на закате.

К вечеру, когда сумы были увязаны и кони осмотрены, отец и сын сели ужинать в триклинии, за малым столом.

— Ты готов? — спросил Кассий.

Тиберий подумал, прежде чем ответить.

— Да, отец. — Он помолчал. — А что нас ждёт по пути?

— Дороги. Реки. Поля. — Кассий посмотрел на сына и добавил: — Леса. Дожди.

— А разбойники?

Кассий отставил кубок.

— Кто тебе про них сказал?

— Конюх. И Вульфар.

В доме не осталось угла, где бы не звучало это имя.

— Разбойники есть, — сказал Кассий. — Держатся лесов и ущелий, где можно спрятаться. С десятком солдат их не боишься. Вдвоём обходишь стороной. Мы будем обходить.

Тиберий кивнул и подался вперёд.

Кассий сделал знак Луцию, стоявшему у двери. Управляющий вышел и вернулся с мечом в ножнах. Положил его рядом с Тиберием и отступил на шаг.

Кассий вытянул клинок на ладонь.

— Это гладий. Короткий. Им не рубят, им колют. — Он повернул лезвие так, чтобы по нему прошёл свет светильника. — Тебе рано с ним воевать. Но пусть он будет при тебе. Где бы ты ни был, не расставайся с ним.

Тиберий вскочил, схватил рукоять обеими руками и приподнял. Клинок вильнул, кончик пошёл вниз и стукнул о край стола. Мальчик не выпустил его. Щёки у него залились краской.

— Спасибо, отец. Я с ним не расстанусь.

Кассий смотрел, как сын, пыхтя, загоняет меч обратно в ножны, и думал, что дал восьмилетнему ребёнку оружие, которым убивают людей, и ребёнок пообещал не расставаться с ним, как обещают не расставаться с собакой.

— Доедай, — сказал он вслух. — Выступаем с рассветом.

Тиберий сел, выпрямился и приложил кулак к груди.

— Так точно, господин.

Кассий улыбнулся и в ответ отсалютовал.

* * *

Выехали на рассвете. Луций стоял у калитки, пока последний конь не вышел со двора, и Кассий, оглянувшись, увидел, как управляющий вытирает лицо ладонью.

Утро было ясное, дорога сухая. Тиберий ехал рядом, держался прямо и то и дело трогал рукой ножны, притороченные к седлу.

К полудню небо затянуло. Дождь начался без грома, мелкий и упорный; вскоре плащи отяжелели, а дорога под копытами размякла.

Тиберий молчал. Кассий тоже: он искал, с чего начать разговор, и не находил. Всё, что приходило на ум, было приказом или наставлением. Не гони. Держи повод короче. Не отставай. С солдатами он знал, как говорить. С сыном разучился.

— Не так ты это себе представлял, — сказал он наконец.

— Дождь, — ответил Тиберий.

— Дождь на равнине летом ещё не беда. Хуже, когда ветер с дождём застанет в горах ночью и негде развести огонь.

Мальчик кивнул и надвинул капюшон. Кассий подождал и понял, что разговор на этом кончился, но тут Тиберий сказал:

— А ты был в горах? Ночью, без огня?

— Был.

— И что делал?

— Ждал утра. Это почти всё, что там можно делать.

Он хотел добавить, что страх проходит к третьей ночи и что человек ко всему привыкает, и вовремя остановился. Мальчику восемь лет. Ему не нужно знать, к чему привыкают.

— А мама тоже ждала утра? — спросил Тиберий.

Кассий понял, о чём он, и не нашёл, что ответить.

Тиберий подождал, потом надвинул капюшон ниже и отъехал на полкорпуса назад, будто ему велели держаться на дистанции.

— Держись ближе, — сказал Кассий.

Больше о матери в тот день не говорили.

У поворота дорога сузилась, и на ней стояла телега. Колесо ушло по ступицу в грязь, возчик в мокром мешке, накинутом на плечи держал под уздцы осла, рядом переминался мальчишка лет десяти.

— Господин! — Возчик замахал рукой. — Подсоби, вдвоём не вытащим.

Кассий придержал коня. Объезд был: тропа через кустарник, шагов двести, и снова на дорогу.

— У нас нет времени, — сказал он и тронул поводья.

Тиберий оглянулся на телегу, потом обернулся ещё раз, когда они уже свернули.

— Мы могли помочь.

— Могли. И потеряли бы полдня, а к ночи стояли бы в поле.

— Он бы нам не помешал.

— Он бы запомнил наши лица. — Кассий смотрел на тропу. — И рассказал первому, кто спросит.

Мальчик помолчал.

— Вульфар говорит, что проезжих надо спрашивать, куда они едут, — сказал он. — Тогда всё равно разговоришься.

— Вульфар много говорит.

— Да, — согласился Тиберий. — Поэтому его и хотели высечь.

Кассий повернулся к нему. Мальчик смотрел спокойно, без всякой дерзости, и Кассий вдруг понял, что сын не шутит и не упрекает, а просто говорит то, что думает.

К вечеру дождь так и не кончился. Кассий привстал на стременах.

— Впереди. Мили две, не больше. Таверна «Упитанный гусак».

— Там нас кто-то ждёт?

— Отставной солдат. Его нанял мой друг в Риме.

— Ты его знаешь?

— Нет. — Кассий помолчал. — Но людей такого склада я знаю. Старые калиги: стоптанные, залатанные, а держат лучше новых. Если он таков, каким его описал сенатор, идти нам будет веселее.

Тиберий хмыкнул и кивнул.

Двор был узкий, с навесом на четырёх столбах. Коней отвели под навес, и мальчишка-конюх тут же принялся за них, поглядывая господ с опаской. Из открытой двери тянуло теплом, вином и жареным мясом.

Внутри было людно, но не полно: купцы, двое возчиков, курьер в дорожном плаще; у очага спал, уронив голову на руки, старик.

Кассий остановился у входа, чтобы глаза привыкли. Лучший стол был в углу: оттуда видны и дверь, и весь зал, а за спиной стена. Стол был занят. За ним сидел один человек: широкоплечий, седой на висках, со шрамом на правой щеке, шедшим от скулы к углу рта. Шрам был там, где обещал сенатор. Человек не пил и не ел, сидел и смотрел в зал, как смотрят люди, привыкшие ждать.

— Тиберий. Держись за мной.

Кассий подошёл первым, но человек за столом встал раньше, чем он успел задать вопрос.

— Гай Кассий Лонгин, — сказал Кассий. — Это мой сын, Тиберий.

— Квинт Корнелий, ветеран, центурион преторианской гвардии. Прибыл для встречи с вами, господин. — Он приложил руку к груди и остался стоять, вытянувшись.

— Квинт, церемоний не надо. Мы оба не в армии. Я просто Кассий. — Он сел на скамью и показал на место напротив. — Садись. Мы промокли насквозь.

Квинт сел, но спину держал прямо, как на смотре.

Трактирщик уже стоял у стола.

— Чего желают почтенные господа?

— Что у вас на ужин? — спросил Кассий.

— Жареная утка со своим соусом, господин.

— Неси. И хлеб. Вино поприличнее, воду. Коней наших вычистить, они во дворе, и две постели. Сколько?

— Для таких господ... — Трактирщик замялся ровно настолько, чтобы это сошло за приличие. — Скромные пятнадцать сестерциев.

Квинт медленно поставил кубок.

— Пятнадцать? Да ты, верно, мошенник, в такой дыре это должно стоить минимум вдвое дешевле.

— Самое приличное заведение на десятки миль вокруг, — заторопился трактирщик. — Уверяю вас, ничего лучше вы не найдёте...

— На десяток миль вокруг нет никакого другого, — сказал Квинт.

— Ладно, у нас нет времени и у меня нет сил на склоки, — сказал Кассий. — Я заплачу.

Трактирщик поклонился и ушёл. Квинт покачал головой.

— Он ещё принесёт счёт, — сказал он.

Утку принесли в глиняном блюде, с соусом, от которого пахло уксусом и травами. Хлеб был чёрствый. Кассий отломил горбушку, посмотрел на неё и ничего не сказал.

— Ты бывал в тех краях? — спросил он, решив не тратить время на излишнее знакомство.

— Служил там, господин. — Квинт отломил хлеба и не поморщился. — Последний раз лет пять назад. Тогда дороги были чисты: форты, патрули, купцы ходили свободно. Боялись разве беглых рабов, да и то только тогда, когда те сбивались в шайки.

— А до того?

— До того было хуже. Леса, ущелья — есть где спрятаться, там обычно и околачивался сброд. Потом прибавили фортов, и стало тихо.

— А сейчас?

Квинт прожевал, прежде чем ответить.

— Сейчас не знаю. Пять лет — это пять лет. Боюсь, выясним наверняка только в дороге.

— Ты не любишь обещать приятного.

— Приятное и без меня расскажут, — сказал Квинт. — Вы платите за другое.

Кассий усмехнулся. Он и хотел услышать другое. После событий в Тевтобургском лесу он не мог себе позволить выйти на дорогу, зная о ней меньше первого встречного; а теперь с ним был сын.

— Ну а если говорить как есть?

— Как есть... — Квинт отставил кубок. — Первое, что полетит к фуриям, — это план. Дождь развезёт дороги в жижу, в низинах вода будет стоять по колено. Реки поднимутся, и мы будем петлять в поисках перехода, а не идти напрямик.

Я не жду лёгкой прогулки, господин.

— Понял тебя, центурион, — сказал Кассий и только потом услышал, как это прозвучало.

Квинт ухмыльнулся. Человека можно вывести из легиона, но легион из человека — никогда.

Тиберий клевал носом. Он держался до последнего, но кусок утки выпал у него из рук, и он вздрогнул, поймав его на колени.

— Тиберий. — Кассий тронул его за плечо. — Ступай. Попроси хозяина, пусть покажет нашу комнату, и ложись. Я поговорю с Квинтом и поднимусь.

— Доброй ночи, парень, — сказал Квинт и хлопнул мальчика по плечу.

Тиберий вздрогнул, потом улыбнулся и кивнул.

Он отошёл к трактирщику и что-то сказал ему. Тот не двинулся с места: вытирал руки о тряпку и косился на стол в углу. Двинулся он только тогда, когда поймал взгляд Квинта, короткий, без выражения. Тогда обернулся к мальчику, засеменил впереди него к лестнице и заговорил громко и ласково.

Кассий проследил, как они поднимаются.

— Он тебя слушается, — сказал он.

— Он меня боится, — сказал Квинт. — Это разное.

Он поставил кубок.

— Что ж, господин. Что ещё мне следует знать?

— Плата. — Кассий подумал, не стоит ли начать с торга, и решил не начинать. — Пятьсот динариев. Туда и обратно, чем бы дело ни кончилось.

Квинт не ответил сразу. Посмотрел в кубок, потом на Кассия.

— Пятьсот.

— Мало?

— Много. — Он помолчал. — Я шёл за меньшее.

— Значит, я плачу не за дорогу. Я плачу за то, что ты вернёшься вместе с нами.

Квинт коротко кивнул, будто ставя точку.

— Едем втроём, — сказал Кассий. — Ты, я и мальчик. Ни охраны, ни слуг. Ты верно считаешь это глупостью.

— Считаю, если быть честным, господин.

— Мы едем искать друидов.

Он ждал, что Квинт переменится в лице, переспросит, откажется. Тот не переменился.

— Сенатор сказал, что дело не для болтовни и что заплатят, — сказал Квинт.

Кассий помолчал. Выходило, что тайна, ради которой он оставил дом и не взял никого из своих, никогда не была только его тайной.

— Тогда так, — сказал он. — В Риме есть люди, которым довольно слуха, чтобы он пошёл дальше. Если дойдёт, что римлянин из хорошего рода ищет друидов, я кончу дни в изгнании, а Тиберий будет жить в чужом доме из милости. Мне не нужно, чтобы ты молчал за плату. Мне нужно, чтобы ты не пил.

— Не пил?

— Ветераны пьют. А выпив, рассказывают.

Квинт выпрямился, и в голосе у него появился тот же ровный уставной звук, что и при первой встрече.

— Ни капли, пока дело не кончится.

— Хорошо.

— Я и так не пью, — добавил Квинт, помолчав. — Но раз вы просите.

Кассий не сразу понял, шутит он или нет, и решил не проверять.

— И последнее. Сенатор дал мне имя. Галльский торговец, Могурикс. Его надо найти первым.

Квинт не ответил. Кивнул и посмотрел на дверь.

— Ты был прав насчёт хозяина, — сказал Кассий, отодвигая блюдо. — Хлеб чёрствый. Вино разбавлено.

— Один к пяти, — сказал Квинт.

— Ты считал?

— Не обязательно пить, чтобы знать. — Он поднялся. — Я сяду у двери. Кто-то в этом зале слишком долго смотрел на ваш стол.

— Кто?

— Возчик. Тот, что сидел у двери. Ушёл, пока ты доедал. — Квинт поправил пояс. — Может, ничего. А может, и запомнил нас.

Кассий хотел оглянуться и не стал. Впервые за много дней он почувствовал, что за эту дорогу отвечает не он один.

* * *

Комната наверху была под самой крышей: две постели, узкое окно, в которое стучал дождь. Тиберий спал лицом к стене, свернувшись; ножны с гладием стояли у него в изголовье.

Кассий снял сапоги и сел на край постели, слушая, как внизу ещё гудит зал.

Потом мальчик всхлипнул.

Кассий замер. Тиберий дышал часто и неровно, что-то бормотал, потом всхлипнул снова и сказал слово. Одно.

Кассий не узнал язык. Слово было короткое, с двумя твёрдыми согласными, будто кашель.

— Тиберий.

Мальчик дёрнулся и сел. В темноте было видно только белки глаз.

— Отец?

— Ты кричал.

— Нет. — Он помотал головой. — Мне снилось...

— Что?

Тиберий молчал так долго, что Кассий решил, будто он снова уснул.

— Вода, — сказал он наконец. — Вода шла вверх.

— Куда вверх?

— В гору.

Кассий положил руку ему на плечо и ощутил под ладонью тонкую кость.

— Это сон, — сказал он. — Спи.

Он хотел встать и не встал. Остался сидеть на краю постели, пока дыхание сына не выровнялось и рука не соскользнула с плеча. И решил для себя, что при первом удачном случае расспросит сына о том, что ему снится.

Внизу ещё раз стукнула дверь.

Кассий сидел и вспоминал Тевтобург: шёпот поверх лязга, который нельзя было разобрать, сколько ни прислушивайся. Тогда он тоже ничего не понял.

Глава 3: Двое на хребте

Рим они обошли стороной, не заезжая в город, и на четвёртый день вышли к Остии. В порту было тесно от судов, и с утра до вечера на причалах кричали грузчики.

Корабль искали до полудня. Квинт обошёл три судна у дальних причалов и вернулся от третьего с коротким кивком: берут. Только не до Нарбона — до Массилии, дальше своим ходом.

Капитан, галл с багровым от солнца лицом, назвал цену и поставил условие: выходят ночью, если ветер не переменится. Квинт торговался недолго. Кассий смотрел, как он отсчитывает сестерции, и думал, что с деньгами всегда так: чем дальше от Рима, тем короче торг.

Тиберий стоял у сходней и держался за канат, будто сходни могли уйти из-под ног. Пахло смолой, солёной рыбой и мокрым деревом. Внизу, между бортом и причалом, вода ходила чёрная, в радужных пятнах.

— Мы поплывём? — спросил он, не оборачиваясь.

— Поплывём.

Мальчик кивнул и перехватил канат выше.

До темноты оставалось ещё несколько часов, и они сели на тюки у сходней. Тиберий считал чаек: сбивался на седьмой, начинал заново и всякий раз получал другое число.

Квинт обошёл судно кругом, постучал по борту кулаком, поглядел на снасти.

— Корпус старый, — сказал он, вернувшись. — Смолён недавно. До Массилии дойдём.

— А дальше?

— Дальше видно будет.

У Кассия ныла ключица. Он сидел, привалившись спиной к тюку, чтобы не держать голову. Матрос прошёл мимо с кувшином и, не глядя, поставил его на доски возле мальчика. Тиберий отпил и передал отцу. От воды тянуло тиной и железом.

Отплыли, когда за причалами погасили последние факелы. Матросы отдавали канаты без крика: скрипнуло дерево, чавкнула вода между бортом и сваями, и сходни убрали. Кассий стоял у кормы, пока Остия не растянулась в полосу огней, а потом и огни ушли под воду.

Тиберий сидел на свёрнутом парусе и смотрел на кильватерную струю.

— Она живая, — сказал он.

— Что?

— Вода. Она идёт за нами.

Квинт, лежавший неподалёку на досках, приподнял голову.

— Всегда так. — Он помолчал. — К утру тебя замутит, парень, как и всех. Спи, пока твоё пузо не знает, что мы поплыли.

Тиберий хмыкнул, но не ушёл. Заснул он там же, на парусе, а ветер к ночи окреп.

Кассий проснулся от того, что маленькая ладонь трясла его за плечо. Он мгновенно открыл глаза и увидел над собой взволнованное лицо сына. Кассий быстро привстал и огляделся, но в темноте не увидел ничего; слышал только воду и ветер.

— Тиберий, в чём дело?

— Отец, я просто… мне было страшно.

— Сон?

— Да.

— Что тебе снилось? — Кассий слегка наклонился к сыну.

— Я видел бурлящую воду, а за ней землю. Там были люди с рисунками на лице и длинными бородами, они звали к себе…

— Это сон. — Кассий положил руку ему на плечо. — Мне тоже снилось, когда я вернулся домой. Долго снилось.

— Правда? И что ты сделал, отец, чтобы это закончилось?

— Думал о тебе и о маме. — Кассий пожал плечами. — Не помню, чтобы это помогало. Просто со временем стало реже.

Мальчик задумчиво кивнул и, кажется, немного успокоился. Тогда Кассий сказал:

— Всё, спи. Квинт верно сказал: завтра тебе будет не до сна.

Вскоре оба уснули.

Разбудило Кассия солнце и запах: кислый, тянущийся от борта. Тиберий висел на планшире, и его рвало в воду. Квинт держал мальчика за пояс, чтобы тот не перевалился.

— Ну вот, — сказал он без злорадства. — Я же говорил.

Кассий поднялся, и ключица отозвалась сразу, будто всю ночь он спал на камне. Он спустился к сыну и подал флягу.

— Полощи. И пей понемногу.

Мальчик прополоскал рот, сплюнул и вытер лицо рукавом. Бледный, но в глазах одно упрямство.

— Сколько ещё? — спросил он у Квинта.

— Если ветер продержится, то через пару деньков увидим берег.

Тиберий снова перевалился за борт в приступе рвоты.

К вечеру мальчик сник совсем. Лежал на парусе, повернувшись к небу, и не открывал глаз, даже когда Кассий садился рядом.

— Хлеб, — сказал Квинт. — Дай ему корку. Сухую, без ничего. И пусть жуёт, хоть и не хочется.

Кассий отломил от вчерашней горбушки. Тиберий взял, пожевал и проглотил с трудом.

— Ещё, — сказал он погодя. — Помогает.

На второй день он уже сидел у мачты и смотрел, как гребцы опускают весла в воду. На третий, к полудню, с носа крикнули, и Квинт поднялся первым. Впереди из дымки выходила земля: бурая полоса, а за ней каменная стена вдоль берега, тесно стоящие дома и белый храм на холме.

К нему присоединился Кассий. Не отрывая взгляда от горизонта, он сказал шёпотом:

— Когда прибудем в Массилию, нужно стараться не светиться: никому не нужно знать, кто мы и в какую сторону движемся. Купим, что нужно в дорогу, и направимся на Нарбон.

Квинт, тоже не отводя глаз от горизонта, коротко кивнул.

В гавани было людно. Их судно встало в ряд с другими, и капитан, приняв деньги, сразу потерял к пассажирам интерес.

Тиберий сошёл по сходням и покачнулся. Кассий придержал его за плечо.

— Земля качается, — сказал мальчик.

— К утру пройдёт.

Кассий надвинул капюшон ниже, и они пошли за Квинтом вдоль причала, мимо тюков и клеток с птицей.

Коней вывели следом. Всю дорогу они простояли в трюме, привязанные в тесноте, и теперь мотали головами и косили глазом на воду.

Покупки заняли остаток дня. Квинт торговался за муку, сушёную рыбу и сыр так, будто спорил сам с собой: называл свою цену, выслушивал чужую, уходил, а через десять шагов останавливался и ждал, пока торговец догонит. К сёдлам он приторочил мех с водой и два новых кожаных ремня вместо протёртых.

Таверна нашлась на второй улице от гавани, низкая, с обмазанными глиной стенами. Она не выглядела самой приличной в городе, зато меньше всего было шансов, что здесь их узнают. Хозяйка принесла похлёбку и хлеб. Тиберий съел половину и начал клевать носом.

— Ложись, — сказал Кассий. — Завтра рано вставать.

— Разве когда-то было иначе, — сказал Тиберий и ушёл.

Квинт подсел ближе и поставил кубок. Кассий повертел свой.

— Про Нарбон. Что ты о нём знаешь, кроме того, что это город на нашем пути?

— Это скорее колония ветеранов, чем город в привычном смысле: там живут такие, как я, старые солдаты на пенсии, только поумнее и не лезущие в авантюры за пределы земли, которую выделил им император.

— Вряд ли эти твои умные ветераны могут рассчитывать на пятьсот динариев, — ехидно заметил Кассий.

— Вполне себе уместное замечание, господин. Я ведь не жалуюсь. — Он смиренно развёл руками.

— Что ещё?

— Доберёмся примерно за три-четыре дня. Выйдем ещё до рассвета, тогда успеем в ещё одну придорожную таверну, не доезжая до равнины. А вот после будет труднее: заведений с ночлегом не будет, нужно будет за день добраться до ближайшего форта и разбивать палатку неподалёку, и так вплоть до Нарбона.

Кассий, перестукивая пальцами по столу, заметил:

— Итого два или три ночи под открытым небом?

— В общем-то так, господин. Но нам с вами не привыкать к походным условиям, не так ли? А вот мальчишке это может показаться непривычным.

Кассий подумал, что сын больше напоминает изнеженного аристократа.

— Ему это будет полезно. Квинт, у меня есть к тебе просьба.

— Вы пообещали заплатить кучу денег, так что я весь во внимании.

— С завтрашнего дня начни упражняться с Тиберием, пусть учится пользоваться мечом.

Квинт присвистнул.

— А вот это вы обратились к нужному человеку, господин. Я из многих зелёных сосунков сделал первоклассных легионеров.

Кассий был несколько удивлён.

— Ты был инструктором? Ты больше похож на центуриона, что всегда в авангарде легиона.

— Ну, были и такие времена, но в общем-то да, толк в муштре я знаю. Лучше хорошей муштры только одна вещь…

И оба в один голос продолжили:

— Только много хорошей муштры.

Оба рассмеялись.

— За армию, господин, — поднял кувшин Квинт.

— За лучшую армию в мире, центурион, — поддержал его Кассий.

Кувшин прикончили за полночь и разошлись по постелям. Кассий лежал с открытыми глазами, слушая, как внизу хозяйка пересчитывает посуду, и не заметил, как уснул.

Разбудил его Квинт: тронул за плечо и вышел, не дожидаясь ответа. За окном стояла чернота.

Кони были осёдланы у ворот, от них шёл пар. Тиберий вышел последним, заспанный, с мечом под мышкой, и в седло попал не с первого раза.

Город спал. Ворота им отворили за мелкую монету, и дорога пошла вверх, в холмы, между рядами виноградников, которых в темноте было не разглядеть.

— Держись за мной, — сказал Кассий сыну. — И не отставай.

Первые мили прошли молча.

Рассвет пришёл сбоку, из-за холмов, и сразу стало видно, что дорога пуста: ни купцов, ни повозок, только колеи, набитые до камня.

К полудню Квинт свернул к ручью. Кони пили, Тиберий сидел на камне и разминал ноги.

— Вставай, — сказал Квинт. Срезал у воды орешник, обломал ветки и подал мальчику палку длиной в меч. — Держи. Не как ложку.

Он поставил Тиберия боком, поправил ему ногу, развернул плечо.

— Стопа здесь. Колено мягкое. Меч не в руке, а в ногах.

Тиберий повторил, и палка у него сразу пошла вниз.

— Плечом, — сказал Квинт. — Ещё раз.

Кассий стоял у коней и смотрел, как сын, высунув язык, раз за разом поднимает ветку.

Квинт продолжил:

— Ты, верно, думаешь, парень: на кой мне эта деревяшка, хочу настоящий. Так вот выкинь эту дурь из головы. Настоящие легионеры тренируются тяжёлыми деревянными мечами, которые тяжелее и неудобнее настоящего гладия. Делается это для того, чтобы в настоящем бою было проще разделывать всяких грязных варваров. Усёк? Если да, быстрее поднимай своё оружие.

Тиберий поднял ветку. Квинт толкнул её своей палкой, и мальчик сел на пятку, едва удержавшись.

— Держишь крепко, а стоишь пусто, — сказал Квинт. — Ещё.

Он подождал, пока Тиберий встанет, и поднял свою палку поперёк.

— Теперь бей. В неё, не мимо.

Мальчик ударил и промахнулся. Второй раз задел концом, третий попал, и Квинт отвёл свою в сторону.

— Сойдёт. Завтра добавим шаг.

Он гонял его, пока у Тиберия не покраснели ладони и не потемнела рубаха под мышками. Мальчик не жаловался: сопел и вставал сам, раньше, чем ему успевали сказать.

— Хватит, — сказал наконец Квинт. — Завтра руки заболят так, что повод не удержишь. Это хорошо.

Тиберий посмотрел на ладони, потрогал мозоль под пальцем и ничего не сказал.

К вечеру, когда солнце легло на холмы, впереди показалась крыша придорожной таверны и дым над ней.

Таверна стояла у самой дороги, низкая и длинная, с навесом для скота позади. Во дворе было пусто: куры да телега без колеса, подпертая камнем.

Квинт, не слезая с коня, оглядел двор, потом спрыгнул и пошёл к двери первым. Хозяин попался разговорчивый, но отвечал коротко: дорога пуста, солдат не видали, неделю назад проехали двое с тюками.

Кассий ел молча. Тиберий клевал носом над миской и один раз уронил туда ложку.

— Спать, — сказал Кассий. — Встаём до света.

— Как всегда, — пробормотал мальчик и поднялся.

Ночью Кассий вышел во двор. После душной комнаты воздух был холодный и чистый, пахло навозом и полынью. Над навесом густо стояли звёзды, как в детстве в Альбанских горах.

Квинт сидел у ворот на перевёрнутом ведре, завернувшись в плащ. Меч лежал у него поперёк колен.

— Не спится, господин?

— Не спится.

Кассий сел рядом на камень.

— Двое с тюками, — сказал Квинт, будто продолжая разговор, прерванный за столом. — Хозяин говорит, ушли на восток, неделю назад. А следы у навеса вчерашние. Я смотрел, пока вы ели.

— И что это значит?

— Что хозяин врёт, — сказал Квинт. — Или что ему велели так говорить. А восточнее тут форты и пустошь.

— Думаешь, за нами?

— Думаю, что дорога пустая, — сказал Квинт. — И это мне не нравится больше, чем тюки.

— Ты прав. С завтрашнего дня надо быть повнимательнее: в этой глуши лучше спать с открытыми глазами.

— Предлагаю по ночам сменять друг друга на дежурстве.

— От тебя меньшего я не ждал, посмотрим.

Сменяться решили по три часа. Кассий взял первый и просидел до света: сон не шёл, а в темноте было спокойнее, чем в комнате, где пахло чужим.

К утру стало холодно. Квинт поднялся сам, без понуканий, разбудил Тиберия, и мальчик вылез, прижимая ножны к груди.

Выехали затемно. Холмы кончились к полудню: дорога выползла на равнину, и сразу стало видно далеко. По сторонам стояли редкие дубы, за ними начинался кустарник.

Никто не говорил об этом вслух, но все трое смотрели теперь на кусты, а не на дорогу. Квинт ехал впереди и держал щит на колене.

До вечера ничего не случилось. Кусты стояли пустые, один раз из-под копыт выскочил заяц, и Квинт долго смотрел ему вслед, будто заяц мог быть подослан.

К концу второго дня дорога пошла вниз, к реке, и там кончилась: впереди была переправа.

Вода стояла высоко. Днём она шла по каменному дну, а теперь катилась мутная, жёлтая, тащила ветки и выбивала пену у камней.

Квинт остановил коня шагов за двадцать и спешился.

— Здесь брод, — сказал он. — Бывало, коню по грудь.

— А сейчас?

— Сейчас, пожалуй, по шею. И дна не видно.

Тиберий подъехал ближе, встал на стременах и посмотрел на воду.

— А если не перейдём?

Квинт не ответил. Пошёл вдоль берега, пробуя дно палкой.

Вернулся он мокрый по колено и вылил воду из сапог.

— Дно скользкое, как рыба, — сказал он негромко, будто диктовал устав. — Первое: повод не тянуть. Конь сам нащупает опору, а ты ему не мешай.

Он подтянул подпругу у мерина и проверил узду.

— Второе: на воду не смотреть. Смотри на тот берег, вон на куст. Голова закружится, и ты вместе с конём уйдёшь набок.

— А если он оступится? — спросил Тиберий.

— Отпусти повод и держись за гриву. Конь выплывет, а ты за ним.

— А седло?

— Седло пусть плывёт. Едем по одному, след в след. Кассий первый, потом мальчик, я последний, буду страховать.

Кассий въехал первым. Вода поднялась коню до груди, потом до шеи, и конь пошёл медленно, ставя ноги вслепую. На середине его повело в сторону; Кассий выпрямился и стал смотреть на дальний куст, как велел Квинт.

Тиберий двинулся следом. Первые шаги мерин прошёл уверенно, потом копыто сорвалось. Мальчик качнулся, вцепился в гриву, но повод дёрнул, и мерин осел набок.

Вода накрыла Тиберия с головой.

Квинт уже был рядом. Он бросил повод, перегнулся, поймал мальчика за ворот рубахи, вытянул наверх и поднял к луке, как мешок. Тиберий кашлял и хватал ртом воздух.

— Держись за меня, — сказал Квинт. — Не за коня.

Мерин выплыл сам и пошёл теперь рядом, мотая головой. Кассий смотрел на это, не меняясь в лице и не произнося ни слова. Когда Тиберий забрался к Квинту, Кассий кивнул, давая понять, что всё в порядке.

Последним перешёл Квинт, ведя мерина в поводу. На дальнем берегу он ссадил мальчика на землю и спрыгнул сам.

Тиберий стоял мокрый, вода стекала с него ручьями, зубы стучали. Рубаха прилипла к рёбрам; гладий, притороченный к седлу, остался сухим, и мальчик первым делом ощупал ножны.

— Снимай, — сказал Квинт. — До нитки. И выжми.

Он отдал ему свой плащ, сухой на плечах, и подтолкнул к камню на солнце.

— Я не испугался, — сказал Тиберий, стягивая рубаху.

— Не испугался, — согласился Квинт. — Только повод держал, как утопающий за доску.

Кассий смотрел с коня, как сын, стуча зубами, развешивает рубаху на кустах, и невольно улыбался. Он ничего не мог с собой поделать: ему нравилось, что за последние дни у сына появился такой опытный учитель, как старый центурион.

— Если вы там закончили мило беседовать, пора ехать, — сказал Кассий. — Надо успеть пройти немного, прежде чем остановимся на ночлег. До форта мы сегодня уже не дойдём, так что нам с Квинтом опять достанется прерывистый сон.

Когда они вышли из опушки, уже начало смеркаться. Впереди лежала небольшая равнина, справа тянулись невысокие хребты.

Квинт подъехал поближе к Кассию и начал шёпотом:

— Справа, на хребте, двое всадников. Следят за нами.

Кассий не стал оборачиваться.

— Далеко?

— С полверсты. Стоят, — сказал Квинт, не поворачивая головы. — Двое. Кони свежие.

— Разбойники?

— Разбойники бы уже спустились. Эти смотрят.

Кассий положил ладонь на луку, чтобы не дёрнуть повод, и заставил себя ехать так же, как ехал: шагом, не быстрее.

— Если только их и вправду двое.

— Часто ли вы видели, чтобы разбойники орудовали вдвоём? Дерутся они плохо, поэтому, как бродячие псы, берут числом.

— Ты прав, но кто его знает. Что делаем?

— Дотемна ничего. — Квинт чуть сбавил голос. — Свернём к хребту, там камни. За ними не видно ни нас, ни огня. Костёр не разводим.

Тиберий ехал рядом и тоже не оборачивался, хотя, наверное, слышал всё.

— Отец, — сказал он тихо. — Это за нами?

— Ещё нет, — сказал Кассий.

Кассий снова заговорил шёпотом, обращаясь к Квинту:

— Твоя идея хороша, если их и вправду двое. А если этих не больше, надо их устранить. Я не хочу продолжать путь, пугаясь каждой тени и гадая, где именно ждёт засада.

— Как мы это проверим?

— Впереди, за дорогой, снова начинается лес. Встанем лагерем у кромки, разведём огонь и подготовимся к тому, чтобы их встретить. Если их двое, это будет их лучший шанс разделаться с нами прежде, чем мы доберёмся до ближайшего форта: решат, что непредусмотрительные купцы разбили лагерь на ночь. Если их больше, они не станут задерживаться на наблюдательной позиции на хребте и отправятся звать остальных, тогда нам надо будет резко сворачиваться и уходить в глубь леса, чтобы выиграть время. В любом случае разведённый нами огонь спутает им след и даст нам время уйти дальше, пока они будут считать, что клетка для нас захлопнулась.

— А вы точно не были легатом, который своей хитростью громил врагов?

— Не знал, что в среде центурионов ценят шутников.

У обоих поднялось настроение: план был готов.

До леса доехали, когда солнце уже село. Квинт выбрал место шагах в десяти от дороги: поляна, за ней бурелом, а за буреломом тропа, которой, судя по всему, давно не ходили.

Огонь развели сразу, чтобы дым был виден с хребта. Кассий наломал сушняка; Тиберий носил ветки охапками и складывал у камня, как велели.

Кони стояли нерасседланные. Квинт привязал их в глубине бурелома, где не слышно ни храпа, ни звона узды.

— Ложись, — сказал он мальчику. — Спи. Утром ты нам нужен будешь.

— А если они придут?

— Тогда разбудим.

Тиберий лёг у огня, но глаза не закрыл: смотрел в темноту за спиной Квинта и слушал.

— Они придут. И скоро, — сказал Квинт.

— Вне всяких сомнений, центурион. Они тоже развели огонь и будут ждать, пока мы уснём покрепче, чтобы перерезать нам глотки.

На хребте виднелся столб огня от костра, хотя самих силуэтов в темноте уже не было видно.

— Как будем действовать?

— Создадим видимость, что все мы легли спать. Ты пройдёшь немного вперёд и будешь наблюдать. Как только увидишь, что они выдвинулись, возвращайся ко мне. Я буду ждать.

Квинт кивнул, и Кассий впервые в его глазах увидел холодный блеск, который говорил, что центурион наконец-то оказался там, где всё знает. Да, ему повезло, что у него такой спутник.

Квинт поднялся, поправил пояс и ушёл, не сказав больше ни слова. Шаги его слышались недолго: он ступал так, будто под ногами был не хворост, а войлок.

Кассий подбросил в огонь веток и сел спиной к камню, лицом к дороге. Глаза прикрыл, но не спал: слушал. Между стволами тянуло холодом, и по временам ему казалось, что темнота впереди шевелится.

Тиберий лежал на плаще и дышал ровно, а потом заворочался и приподнял голову.

— Отец. Я слышал, что он сказал про глотки.

— Спи.

— А если он не вернётся?

Кассий не сразу нашёл, что ответить.

— Он вернётся, такие всегда возвращаются. Но вот что, Тиберий: дальше у меня не будет времени на инструкции. Оставайся там, где стоишь. После того как я уйду с Квинтом, ты должен идти к лошадям и ждать там. Если увидишь, что к костру приближается кто-то, кроме меня или Квинта, не теряй ни секунды: седлай коня и гони в глубь леса, скачи что есть мочи. И да, не сворачивай с дороги, она приведёт тебя к римскому форту. Там сообщи о том, что было.

— Но отец, я вас не брошу. — Голос мальчика дрогнул.

— Сынок, не время геройствовать, время для этого придёт. Сейчас ты должен действовать в точности так, как я сказал. Доверься мне. — Кассий понял, что своим разговором сильно напугал мальчика. — Это на всякий случай, в остальном не о чем беспокоиться. Мы вернёмся. — И взъерошил кучерявые волосы сына.

Кассий уже начал волноваться, слишком долго не было Квинта. И тут он услышал шорох впереди, перехватил рукоять гладия покрепче и стал вслушиваться. Из темноты тихо вынырнул Квинт.

Он присел на корточки, не глядя на огонь.

— Двое. Судя по всему, ты был прав: эти неумехи только что потушили огонь.

— Зачем?

— Потому что он им больше не понадобится. Они рассчитывают согреться у нашего, когда закончат с нами.

— Сколько у нас времени?

— Больше двадцати минут я бы не давал. Лучше взять с запасом, чем оказаться не готовым, если эти ублюдки в темноте будут двигаться быстрее, чем я предположил.

— У тебя наверняка есть план, центурион?

— Пока было светло, я присмотрел место шагах в пятидесяти от нашего лагеря: там крупный валун, а в пяти метрах от него высокий куст. Предлагаю занять позиции там, они в любом случае должны будут пройти мимо. Атакуем одновременно.

Кассий кивнул и поднялся.

— Тиберий. К коням. Чтобы ты ни услышал, не выходи.

Мальчик встал, взял ножны обеими руками и пошёл в бурелом, ни разу не обернувшись.

Квинт ждал его у камня. Вдвоём они обошли поляну стороной, не по тропе. Квинт лёг за валун, Кассий в пяти метрах впереди, за кустом.

Камень был холодный, с шершавым, как напильник, боком. Квинт устроился на локте и положил меч так, чтобы тот не звякнул о камень. Кассий же, в свою очередь, почувствовал, как под рёбрами колотится сердце, часто и противно.

— Дыши, — шепнул Квинт. — И не вставай раньше времени. Первого беру я.

— А второго?

— Второго — кто успеет.

Ждали недолго. Сначала хрустнула ветка, потом послышалось дыхание: один шёл тяжело, второй ступал ровнее.

Кассий увидел их раньше, чем услышал: две тени вышли рядом с кустом и двинулись вдоль поляны, держась в шаге друг от друга.

Теперь Кассий дожидался, пока незваные гости пройдут его позицию в сторону Квинта и окажутся к нему спиной.

Первый поравнялся с валуном. Квинт поднялся и ударил снизу, коротко, без замаха. Меч угодил разбойнику в бок, чуть выше бедра, едва ли не на половину длины клинка, прежде чем тот отпрянул в сторону с воплем. Кассий выпрыгнул следом, целясь во второго. Тот уже успел поднять оружие в сторону Квинта, но в последний момент услышал приближение со спины и обернулся лицом к Кассию, из-за чего Кассий на полной скорости влетел во второго разбойника, вонзив ему гладий в плечо по самую рукоять. От столкновения оба пролетели

вперёд, в кусты. Кассий приземлился на спину, от падения выбило воздух из лёгких, гладий так и застрял в плече разбойника, осев в кости.

В нескольких метрах от них первый разбойник, немного придя в себя и истекая кровью, бросился на Квинта, размахивая длинным топором. Квинт был вынужден отступать: соперник был на полголовы выше, и оружие длиннее, и бил он размашисто. Квинту хватало реакции, чтобы перед ударом отпрыгнуть на шаг; он искал своего момента, но пока не мог его найти. После того как Квинт в третий раз отпрыгнул от удара, он заметил, что соперник начал замедляться, потеря крови сказывалась. Он позволил ему промахнуться ещё раз и понял, что момент пришёл. После последнего удара он не отпрыгнул, как в предыдущие разы, а лишь слегка отошёл, так, что увидел конец топора перед глазами: расстояние между ними сократилось, и, пока разбойник наносил очередной замах, Квинт прыгнул вперёд, выбросив руку с мечом остриём вперёд. Клинок глубоко вошёл в грудь разбойника. Квинт почувствовал его гнилое дыхание, после чего у того хлюпнула во рту кровь. Квинт провернул меч сначала в одну сторону, потом в другую, ногой оттолкнул разбойника и вытащил меч из груди; тот замертво рухнул на спину.

Несколькими мгновениями раньше Кассий перекатился на локоть, пытаясь вобрать воздух в лёгкие, и тут на него с криком боли набросился разбойник с торчащим в плече гладием. Он оказался сверху, нанёс несколько ударов, выхватил из-за спины нож и ударил Кассия в шею, но руку в полёте успел перехватить Кассий. Он чувствовал, что физически сильнее соперника, но это было сложно переломить в свою пользу: всё ещё не хватало воздуха. Удерживая одной рукой кисть с ножом, другой он схватил гладий, торчащий из плеча разбойника, и начал его крутить.

Разбойник заорал и вскинулся на ноги, так что рука Кассия уже не доставала до клинка. Тут же Кассий пнул его снизу вверх ногой, и тот плюхнулся на зад. Кассий начал отползать, чтобы высвободить себе место для подъёма, а соперник уже успел встать на колени. И тут Кассий увидел, как расширились глаза разбойника, а после увидел остриё, торчащее из его горла; оно исчезло так же стремительно, как и появилось. Разбойник упал лицом вперёд, и за его спиной Кассий увидел Квинта. Тот нагнулся, вытер клинок о плащ разбойника, вставил меч в ножны и спокойно подошёл к всё ещё тяжело дышавшему Кассию.

— Пора подниматься, господин. Всё кончено.

Кассий сел, потом встал, держась за ствол.

Квинт принялся за убитых без спешки. Перевернул первого на спину, осмотрел ладони, оттянул ворот рубахи.

— Гляди.

Под ключицей белел рубец, след клейма, стёртого годами. У второго, когда с него стащили рубаху, то же клеймо было на лопатке, а на щиколотке узкая обтёртая полоса от железа.

— Беглые, — сказал Квинт. — Или отпущенные. И меч взяли недавно: мозолей от рукояти нет.

Он отпустил руку убитого и вытер пальцы о траву.

— Знать бы ещё, что они тут делают.

— За оружие не скажу, — Квинт поднялся и отряхнул колени, — а кони у них не крестьянские. Такого на дороге не подберёшь.

— Может, прежде кого-то обобрали, — сказал Кассий. — Шёл человек с деньгами и не дошёл.

— Может, и так. — Квинт посмотрел на хребет. — Только где тогда обобранный? Тело бы лежало рядом.

Он помолчал.

— Кони их наверху. Сёдел не снимали, значит, собирались вернуться.

— Или ехать дальше.

— Или ехать дальше, — согласился Квинт.

Кассий потёр шею. Разговор никуда не вёл, а ночь шла.

Тела оттащили к реке и сбросили в яму под обрывом, придавив камнями. Потом Квинт поднялся на хребет и вернулся оттуда, ведя в поводу двух коней.

— Отведу их в лес и отпущу, — сказал он. — Сёдла сниму. Без сёдел они ни о чём не расскажут.

— А если найдут?

— Найдут. Только не подумают, что здесь был бой.

К костру вернулись вдвоём, не зажигая света. Квинт подбросил веток, пламя взялось с треском, и сразу стало видно, как далеко от лагеря они были.

— Тиберий, — негромко позвал Кассий. — Выходи. Всё.

Мальчик вышел из бурелома не сразу. Шёл, держа меч обеими руками, как нёс его из дому, и остановился в двух шагах.

— Их больше нет?

— Больше нет.

— Я сказал тебе идти к коням.

— Я шёл. — Тиберий посмотрел на него. — Потом стоял.

Кассий хотел сказать, что это было глупо, и не сказал.

Он сел у огня, не выпуская ножен.

Квинт лёг на спину, заложил руки за голову и смотрел в небо, где между ветками виднелись звёзды. Кассий устроился у камня и не сводил глаз с сына. Тиберий глядел в огонь.

Никто больше не говорил. Первым уснул Квинт: он так и лежал на спине и через минуту захрапел, коротко и сухо, будто под ним трещал хворост. Кассий слушал этот храп и не спал.

Глава 4: Дорога на Нарбон

Они вышли до рассвета. Квинт разбудил их, когда за деревьями только серело, и огня разводить не дал: попили воды, съели по куску хлеба, сели в сёдла.

Тиберий не спросил про убитых. Ни утром, ни на дороге. Кассий ждал вопроса и заранее подбирал слова, но мальчик молчал и держался в седле прямо, как в первый день. Один раз он обернулся на кусты, где ночью лежали тела, и тут же отвернулся. Ладони у него были в мозолях после палки, и он то и дело прятал их под плащом.

Дорога шла вдоль реки, потом отвернула от воды и пошла между выгоревшими холмами. Трава стояла серая, из-под копыт поднималась пыль и долго висела в воздухе. К полудню стало жарко. Кассий расстегнул ремень у горла, но легче не стало; ключица ныла ровно, как больной зуб, к которому привыкли.

— Впереди форт, — сказал Квинт и показал подбородком. — Мили три, не больше.

На холме, за редкой рощей, виднелась башня: низкая, серая, с черепицей, снятой с одного края. Возле неё стояло длинное строение с просевшей крышей, и над ним вился дым.

— Там вода, — сказал Квинт.

— И люди, которые запоминают лица, — сказал Кассий.

— И новости. — Квинт помолчал. — Двое на хребте не с неба взялись. Нам нужно знать, кого тут ждут.

Кассий посмотрел на сына. Тиберий сидел, держа повод обеими руками, и смотрел на башню.

— Твоя взяла, заедем, — сказал Кассий.

— Тогда уговоримся об именах, — сказал Квинт. — Я торговый человек из Массилии. Везу помощника и мальца в Нарбон, к родне. Кто вы, решайте сами, только пусть это будет то, что вы не забудете к вечеру.

Тиберий тихо спросил:

— А меня как звать?

Кассий не сразу понял. Потом понял, что мальчик за всю жизнь ни разу не назывался чужим именем, и что теперь ему придётся.

— Как пожелаешь, — ответил он. — Только не своим.

Тиберий подумал.

— Марк.

— Марк, — повторил Кассий. — Хорошо.

Мальчик сказал имя ещё раз, тише, будто примерял чужую рубаху.

— А тебя как звать?

— Гай. Помощника зовут Гай, это не ложь.

Квинт хмыкнул, поправил меч под плащом.

— В форте одно правило: лишнего не говорить. Имена помнить к вечеру, лица не прятать. Кто отводит глаза, того и запоминают.

— Я не буду, — сказал Тиберий.

— И не надо. Держись между нами, на вопросы отвечай коротко.

Дорога пошла под уклон. Пыль лежала на ней толще, и в ней уже отпечатались колея от телеги, конский помёт и следы босых ног. Кассий переложил повод в левую руку, чтобы правая осталась свободной.

Над воротами появилась голова в шлеме.

— Стой, кто идёт? Назовите ваши имена и куда держите путь.

Всадники остановились.

— В Нарбон, — сказал Квинт и слез с коня первым. — Я торговец из Массилии. Еду забрать товар.

Солдат внимательно осмотрел группу.

— А второго и мальца как звать?

Тиберий ответил прежде, чем Кассий успел открыть рот:

— Марк. Меня зовут Марком.

Вышло громко, не по-детски, и он сам испугался своего голоса.

— Марк, значит, — сказал солдат. — Воды у нас на всех хватит. Корму лошадям нет: третий день ждём обоз.

— И на том будем благодарны, друг, после ночи под открытым небом, — сказал Кассий.

Солдат махнул рукой вниз, и створка со скрипом поползла в сторону. В проезде пахло сыростью и конским потом, под копытами хлюпала вода из канавы.

Двор был тесный: длинный барак, коновязь под навесом, кузница в углу, где молот ещё бил по железу. У колодца стояли двое, старик в ветхой тунике и женщина с ведром, и оба смотрели на всадников без всякого стеснения.

— Коней к навесу, — сказал солдат, идя рядом. — Воду дам, а сено как обоз придёт.

Квинт кивнул Кассию и спешился первым. Тиберий слез сам, неловко, обеими ногами сразу, и выпрямился, будто за ним считали.

Кони потянулись к колоде, вода пошла из ведра с шумом. Квинт бросил повод Кассию и подошёл к солдату.

— Что слышно на дороге?

— А что должно быть слышно?

— Мы шли спокойно. — Квинт помолчал. — Только по хребту, не по тракту, ехали двое конных.

Солдат посмотрел на него внимательнее и сплюнул в пыль.

— Не наши. Здесь, окромя гарнизона, никого нет, а гарнизона десять человек, и половина на стене. Вам повезло, что добрались живыми. Те, кого вы видели, судя по всему, из беглых.

— Но что они тут делают? — спросил Квинт.

— Полгода назад пара десятков сбежали, как раз в тот момент, когда количество фортов и патрулей на дороге сократилось. Вот они убивали и грабили торговцев, пока на их поимку не отрядили сильный отряд ауксиляриев.

— И что же, изловили негодяев?

— Пару недель назад ауксиларии напали на их логово, большую часть порубили, но парочка успела дать деру. Крепкие сукины дети оказались, у ауксиляриев пятерых потеряли.

Квинт поскрёб щёку.

— Двое, значит. И где их ищут?

— Где ищут, там не стоят. — Солдат кивнул на стену. — Сказывали, ушли на юг, к тракту.

— Сказывали, — повторил Квинт.

Солдат посмотрел на него и ничего не добавил.

Кассий держал повод у коновязи и молчал. Двое, кони не крестьянские, клейма на руках. Он не сказал ни слова.

Тиберий потянул его за рукав.

— Отец... — Он запнулся. — Гай. Можно я напьюсь?

— Из ведра не пей, тут всякий руки мыл.

Кассий взял у женщины ковш, зачерпнул и подержал, пока осядет муть. Тиберий пил долго, запрокинув голову, вода текла за ворот. Отдал ковш, вытер рот ладонью и спрятал ладонь под плащ.

Кассий наклонился к нему.

— Имя держи, как меч. Не выпускай.

— Я помню. — Мальчик глянул через двор. — А он поверил?

— Он не поверил и не проверил. Это лучше всего.

Женщина молча ждала ковш. За её спиной кузнец ударил молотом, и Тиберий вздрогнул, а потом сделал вид, что поправлял плащ. Кассий это видел и ничего не сказал.

К ним присоединился Квинт.

— Ну что ж, помощник торговца и малец, направляющийся к своей родне, пока всё идёт как надо.

— Как надо, — сказал Кассий, — это пока он не смекнул, что мы пришли с севера, а не из Массилии.

— Не смекнёт. Ему обоза ждать. — Квинт вытянул из мешка горсть овса и подставил коню ладонь. — А мне нужен кузнец. Подкову сменить и язык развязать.

— Долго?

— До темноты. Потом ворота закроют, заночуем здесь, под стенами. С солдатами спокойнее, чем в поле.

Кассий глянул на сына. Тиберий сидел на камне у коновязи, жевал хлеб и смотрел, как кузнец бьёт молотом. Вздрагивать он перестал.

— Тогда я с тобой, — сказал Кассий. — Мальчик подождёт у лошадей.

Кузнец стоял у наковальни без рубахи, закопчённый по локоть. Он как раз остужал полосу в кадке, вода зашипела и пошла паром.

— Подкову сменить, — сказал Квинт, поднимая заднюю ногу коня.

— Подкову можно. — Кузнец глянул на них через плечо. — А что второе?

— Скажи, куда с дороги делись патрули.

— Патрули. — Кузнец усмехнулся в бороду. — Кто тебе сказал, что они тут были? С осени дорога пустая. Солдаты сидят по фортам и греют стены, за солью ездим с двумя копьями.

Квинт держал ногу коня и не отпускал.

— То есть ходить тут небезопасно?

— Безопаснее, чем до того, как изловили беглых душегубов. — Кузнец взял клещи. — Мне пора работать.

— И ещё, — сказал он им вслед, не поднимая головы. — Держитесь тракта, на просёлки не съезжайте. На просёлках сейчас ни патрулей, ни кордонов.

— А на тракте?

— А на тракте заставы. — Молот ударил по железу. — Это лучше, чем ничего.

Отойдя немного в сторонку, Кассий сказал шёпотом:

— Судя по всему, двух оставшихся ублюдков из банды мы и прикончили.

Квинт задумчиво кивнул и ответил так же тихо:

— Может, оно и так, вот только не окажется ли, что по дороге есть ещё банды и их ублюдки.

Тиберий подошёл к наковальне и слышал всё.

— Отец, — сказал он, когда кузнец отвернулся к кадке. — А зачем им клеймо?

— Чтобы всякий знал, чьи они.

— А если человек не хочет?

— Тогда он бежит, — сказал Кассий. — И его ловят.

Мальчик посмотрел на свою ладонь, будто искал на ней след.

Больше о беглых до темноты не говорили. Подкову сменили, лошадей поставили под навес, солдаты заложили створку брусом и повесили над ней фонарь.

Костёр разожгли посреди двора, в яме, обложенной камнем. У огня поначалу грелись трое солдат. Пахло дымом и мокрой шерстью. Вскоре солдаты отправились менять часовых, а те пошли спать.

Кассий сел на бревно, Тиберий устроился между ним и Квинтом, привалился плечом и вскоре уснул. Квинт достал точильный камень и медленно повёл по клинку.

Кассий сам не ожидал, что скажет это вслух:

— Последнее время нам с сыном было тяжело, и знаешь, что странно, Квинт: в последние недели я начал чувствовать себя лучше, чем дома. Просто... там всё напоминает о том, что у меня было и чего меня лишили.

Квинт немного помолчал, поджав губы.

— Так всегда, парень: одни сложности помогают забыть о других. Сколько лет я прослужил, а всё мечтал о старости в своём доме, с любящей семьёй. Но Фортуна бывает вероломной сукой, скажу я тебе.

— Что же помешало тебе встретить старость мечты?

Квинт задумался.

— Семь лет назад жизнь моих двоих детей унесла болезнь. Жена держалась, но мы служили друг другу напоминанием о той боли, которую пережили, в конце концов не выдержала и сбежала с кем-то. Я злился, проклинал её, а потом перестал винить. Я думал, что поживу для себя, может, оно и устаканится, и вот я тут, с вами.

Оба молчали, глядя в огонь, пока Квинт не поднялся.

— Поистине разнылись, как две старые шлюхи из Субуры. Пойду-ка я спать, — произнёс он с печальной улыбкой.

Кассий смотрел на огонь.

Он знал Квинта несколько недель и ни разу не спросил, зачем тот идёт с ними. Вокруг полно людей, и у каждого своя потеря.

Квинт был прав в одном: пережившие одну боль напоминают друг другу о ней. Тиберий напоминал ему Флавию. Те же кучерявые волосы, тот же упрямый характер, та же чистая наивность.

Кассий сдвинул ветку в огне и поймал себя на том, что за последние дни почти не вспоминал её. От этой мысли стало стыдно.

Но здесь Квинт ошибался. Тиберий был напоминанием, с которым Кассий не расстался бы ни за что: он связывал его со всем лучшим, что было, и с тем лучшим, что осталось.

Тиберий был для него границей между двумя жизнями.

Кассий сидел, пока дрова не осели в угли. Подкинул последнее полено и прислушался.

Тиберий дышал неровно, во сне шевелил губами.

— ...не надо, — сказал он тихо. — У них лица...

Кассий придержал его за плечо. Мальчик вздрогнул, но не проснулся; повернулся на другой бок и подтянул колени к груди.

Через двор прошёл часовой, стукнул древком о камень и пошёл дальше. Фонарь над воротами качался, тень от него ползла по стене.

Кассий поднял сына на руки. Тот обхватил его за шею и стал тяжёлым, как все спящие дети. В барак Кассий вошёл боком, чтобы не задеть притолоку, и положил мальчика на солому у стены, подальше от двери.

Заснул он, держа руку у него на плече.

Разбудили их рано, стуком: снимали брус с ворот.

Квинт уже стоял у колодца, лил воду на голову и фыркал, как конь.

— Через час выезжаем. Хлеб взял, воду взял.

Тиберий сел на соломе, огляделся и сразу вспомнил, где он.

— Мы едем?

— Едем.

Лошади стояли осёдланные. Кассий подтянул подпругу, и ключица отозвалась так, что он сморщился и перевёл дух.

У ворот их проводил тот же солдат, с палочкой в руках.

— В Нарбон держитесь тракта, — сказал он. — Доберётесь ещё засветло, если не задерживаться.

— Не задержимся, — сказал Квинт.

За рощей дорога пошла в гору, и на гребне их обдало ветром.

— Предлагаю привал, — сказал Квинт. — Воздух тут свежий, а Тиберию полезно размяться.

Кассий обрадовался: с самого выхода из форта ныли ключица и рёбра, на которые приземлился разбойник.

Свернули к камню, где трава была выбита и земля держала след. Квинт срезал ножом две палки орешника, длиной в руку, и одну отдал мальчику.

— Держи, как держишь ложку, когда не голоден.

Тиберий взял палку обеими руками и выставил её перед собой.

— Ноги помнишь?

— Помню.

Он переставил ноги, и на этот раз вышло сразу.

— А вчерашнее? — Квинт подставил свою палку поперёк. — Бей.

Тиберий ударил и попал с первого раза.

— Хорошо. Теперь с шагом. — Квинт отступил на два шага. — Дойди до меня и ударь. Не беги, иди.

Мальчик шагнул, ударил и промахнулся. Со второго раза задел, с третьего попал, и Квинт отвёл палку в сторону.

— Сойдёт. Завтра — вдвоём, с двумя палками.

Кассий сидел на камне, вытянув ноги. Рёбра отзывались на каждый вдох, но смотреть было легко: сын краснел, сопел и не сдавался. Что-то было в безмятежности этого предгорка: свежий воздух, кряхтенье сына, смех Квинта, когда Тиберий плюхался на задницу. Он вспомнил, что с Флавией познакомился в похожей обстановке. Тогда он был мальчишкой и, пока родители и слуги спали, вывел коня из конюшни и удрал прежде, чем его хватились. К полудню

он заплутал, не заметил ветку, которая сбила его с коня, ушиб руку и долго сидел на камне, как сейчас сидит Тиберий.

А потом появилась местная девочка. Когда он рассказал, что тут делает, она долго смеялась, а он краснел. Потом сжалилась и предложила проводить его до дома; он посадил её на коня, а сам пошёл рядом.

Дома его ждала взбучка. Он бы принял ещё десяток таких, если бы взамен было знакомство с Флавией.

Он удивился, что, вспоминая её, улыбается, а не мрачнеет, как бывало раньше.

— Гай! — позвал Тиберий и сейчас же оглянулся, не слышал ли кто.

Кассий поднял руку. Мальчик подбежал красный, с палкой в кулаке, и сел рядом на камень.

— Квинт говорит, у меня лучше выходит.

— Раз Квинт так говорит.

— Он сказал это один раз. — Тиберий вытер нос рукавом. — И сказал, что ты тоже умеешь. Правда?

Кассий посмотрел на палку в его руках, на стёртую до блеска середину.

— Умел. Я даже подумывал стать легатом и вести в бой армию таких храбрецов, как ты, — улыбнулся Кассий.

— Покажешь?

— После Нарбона.

Квинт подошёл и бросил свою палку в траву.

— Хорош на сегодня. Полдня ещё, а до тракта не близко.

Собрались быстро. Квинт подтянул подпруги, Тиберий влез в седло сам, без подсадки, и оглянулся: заметили ли.

— Гляди-ка, — сказал Квинт. — Утром ещё ноги с земли не поднимал.

— Утром у меня палки не было.

Дорога пошла ровная, и разговор не кончался. Тиберий объяснял, как ставить ноги, показывал в воздухе, как держит палку, и шутил больше обоих взрослых.

— В легаты пойдёшь? — спросил Кассий.

— В торговцы. У торговцев сапоги мягкие.

— Марк, — тихо сказал Кассий.

Мальчик оглянулся на дорогу и через минуту начал снова, уже потише.

К закату впереди показались стены Нарбона, а у ворот стоял обоз: волы, телеги, крик возчиков. Над черепицей висел дым.

Ближе к въезду в Нарбон Квинт сказал:

— Придерживаемся прежней легенды. У меня в Нарбоне есть парочка знакомых, но те будут хранить молчание. Думаю, нам первым делом надо наведаться к главе поселения, это мой старый боевой товарищ, он поможет нам, может, подскажет чего.

Кассию не очень нравилась идея раскрывать их личности.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Знаю, — сказал Квинт. — Потому и говорю.

В город въехали вместе с обозом, между телег: стража у ворот не пересчитывала, за всех отвечали возчики.

Нарбон был ровный, мощёный, с водостоком посередине улицы. Дома стояли крепкие, под новой черепицей. У дверей сидели старики и смотрели на проезжих так, как смотрят люди, которым спешить некуда.

Квинт свернул дважды, пошёл шагом, считая дома, и остановился у ворот с каменными столбами. Постучал рукоятью в створку.

За воротами залаяла собака, потом загремел засов. Открыл хозяин, седой, с широким шрамом у виска, в одной тунике, и долго смотрел на Квинта, прежде чем отступить в сторону.

— Раздерите мою старую задницу, если передо мной не сам Квинт Корнелий! — Человек просиял и протянул руку.

Квинт перехватил движение, и старые друзья звонко схватились за предплечья.

— Старина Метелл, годы к тебе безжалостны, — с иронией произнёс Квинт.

Метелл выглянул за спину Квинта.

— О, ты не один, прошу вас, проходите.

Они прошли в дом, и Квинт представил своих спутников:

— Это Гай, торговый человек из Массилии, а вот тот удалой малец, его сын Марк. А это мой старый товарищ Метелл Кнессий, бывший префект лагеря легиона, в котором мы служили добрые десять лет.

Метелл отмахнулся.

— Для друзей просто Метелл, друзья Квинта и мои друзья. Но что же вас привело в Нарбон?

Кассий взял слово:

— Спасибо за приглашение, Метелл. Квинт сопровождает нас, мы ищем одного человека, который может помочь нам.

— О, верно, увлекательная история, не терпится её услышать. Но я не хочу прослыть плохим хозяином, я сейчас же велю накрывать на стол, поужинаем, там и поговорим.

Гости от этих слов почувствовали голод и вежливо кивнули.

Стол накрыли в комнате за очагом: похлёбка с бобами, хлеб, козий сыр, оливки в чашке и кувшин вина, разбавленного водой. Ели молча, только Тиберий стучал ложкой и разок попросил добавки, за что получил от отца взгляд. Метелл подмигнул мальчику.

— Парень, у тебя аппетит легионера, — сказал он, отодвинув чашку. — Так, кого вы в итоге ищете?

Квинт сделался серьёзным.

— Метелл, о нашем приезде не должен знать никто. И о том, зачем мы здесь, тоже.

Метелл махнул рукой, словно отгонял назойливую муху.

— Да брось ты, мог бы и не предупреждать.

Кассий положил ложку.

— Галла. Он торговец вином. Зовут Могурикс.

Метелл замер: рука, которой он взялся за кувшин, задержалась.

— Могурикс, — повторил он. — Толстый такой? Смеётся много?

— Мы его не видели.

— Значит, увидите. — Метелл разлил вино. — Он в Нарбоне бывает чаще, чем я в термах. Ума не приложу, на кой вам сдался этот рыжий мошенник.

— Так ты знаешь его?

— А как же, лучше бы не знал: этот ловкач впарил мне за двойную цену тухлое вино.

Метелл подлил себе ещё.

— Он здесь, в Нарбоне?

— Был тут, — прикидывал в уме Метелл, — с неделю назад.

— Кажется, он говаривал, что направляется в Бурдигалу, за новым товаром.

— Стой, получается, он заберёт товар и пойдёт обратно? — спросил Квинт. — Так это же отлично, можем его дождаться тут, а не шататься по лесам.

Метелл хмыкнул.

— Долго тебе придётся ждаться, старина. С новым товаром в это время года он обычно отправляется в Алет, проезжая по пути через Толозу и Бурдигалу.

За столом стало тих. Один только Метелл не понимал, зачем им мог понадобиться торговец.

— Так а зачем он вам?

Кассий тяжело выдохнул.

— Он знает то, что нам нужно, а времени у нас не так много. — Он коротко взглянул на сына, понимая, что, возможно, времени с сыном у него меньше, чем он думал. Но не в его природе было сдаваться. — Тогда нам следует не сильно задерживаться у тебя, Метелл. Возможно, мы успеем его нагнать где-то на пути к Алету, или на худой конец в самом Алете, оттуда-то ему двигаться особо некуда, дальше море.

— Так морю он и двинет дальше, после Алета он обычно плывёт в Британию, торговать там до следующей весны.

Кассий почувствовал, как от этих слов вспыхнуло раздражение, заныла ключица и начала кружиться голова. Он опустил голову на руки, пытаясь собраться.

Квинт видел, что с Кассием что-то не так, но не понимал что.

— В таком случае нам необходимо выступать немедленно, чтобы нагнать его как можно раньше.

— Друзья, мне жаль, но покинуть Нарбон сейчас для вас невозможно.

Тиберий смотрел на Метелла, не мигая. Квинт поставил чашку, не донеся до рта.

— С чего бы?

— Позавчера на тракте вырезали патруль. — Метелл смотрел в стол. — Убиты двенадцать человек. Головы сложили отдельно.

Тиберий перестал жевать. За стеной мычал вол, и слышно было, как возчик ругается на него без злобы, за дело.

— Чьи? — спросил Квинт.

— Ауксилариев. Не наши люди, а под началом наместника. — Метелл взялся за кувшин, но не налил. — Из колонии велено никого не выпускать, пока не подойдёт когорта для установления порядка. Прибудет примерно через два месяца.

Квинт отодвинул чашку на середину стола, будто освобождал место для расчёта.

— Стало быть, ни на Бурдигалу, ни в Алет. По тракту заставы, а без записи нас и близко не подпустят.

— На Бурдигалу и с записью не подпустят, — сказал Метелл. — Дорогу перекрыли.

— Зачем им патруль? — спросил Кассий.

— Затем, что ауксиларии разворошили гнездо беглых. — Метелл поморщился, как от кислого. — А после выяснилось, что бежать им помогли здешние варвары. Пусть, мол, римляне сидят по фортам и не суются в наши поселения. Один вождь тем временем собирал силу. Теперь у него и повод есть, и дорога.

Он развёл руками.

— Посыльный еле прорвался. Вот такие дела.

Кассий сидел прямо, а пальцы у него на столе побелели. Два месяца ждать. Потом когорта пойдёт усмирять мятеж, а Могурикс всё это время будет уходить всё дальше, к морю, к другому берегу, куда Кассию не добраться ни за год, ни за два.

Кассий разжал пальцы и убрал руку со стола.

— Значит, два месяца, — сказал он ровно. — Не год и не два. Считайте, что нам повезло.

Квинт посмотрел на него, не понимая.

— Нам нужен тракт, — сказал Кассий. — Не Могурикс. Тракт. — Он поднялся. — Метелл, ты говорил, дорогу перекрыли варвары. Сколько их?

— Никто не считал.

— Тогда начнём считать.

Тиберий, весь разговор просидевший тихо, спросил шёпотом:

— Отец, а мы поедем за торговцем?

— Поедем, — сказал Кассий. — Только сперва расчистим дорогу.

Глава 5: Ветераны выбирают меч

На ночь их поселили в доме, который держали для офицеров высокого ранга, проезжавших через поселение. Офицеры ездили мимо, и дом пустовал почти всё время.

С улицы дом казался слепым: глухая стена, низкая дверь. Внутри оказалось теплее, чем во дворе, — печь протопили заранее, и дрова ещё потрескивали.

За прихожей открылся дворик с бассейном, наполовину полным дождевой воды; в ней плавали листья. Комнат было больше, чем нужно трём путникам: две спальни, кладовая с пустыми полками, горница, где стоял стол и четыре кресла с продавленными подушками.

В спальнях лежала свежая солома, набитая в тюфяки, и пахло сухой полынью, которую кладут от блох. На полке у очага стояли четыре глиняные чашки и лежала ложка. Над ними висел пучок сушёной мяты.

Тиберий отыскал под скамьёй костяную фигурку солдата, стёр пыль о рукав и поставил её на стол.

— У него щит отломан, — сказал он.

Кассий взял фигурку, повертел. Кость потемнела и отполировалась, будто её долго держали в руках: легионер в шлеме, меч у бедра, на левой руке след от штифта.

— Кто-то играл, — сказал Квинт от двери. — Офицеры, пока ждали приказа. Или дети.

— Здесь были дети?

— Здесь всё было, — сказал Квинт и ушёл в горницу.

Дом стоял в конце улицы, и за углом начинался рынок: с утра оттуда тянуло жареной рыбой, слышалось мычание и стук дерева о дерево. Ближе к полудню торговцы начинали кричать — сначала по одному, потом разом, и к вечеру стихали. Между домом и рынком лежала площадь, где ветераны грелись на солнце у колодца.

Ночью все легли без лишних разговоров, а Кассий долго ворочался и не мог заснуть. Он высыпал на ладонь монеты, пересчитал их дважды, ссыпал обратно в кошель и стал считать иначе. Два месяца до когорты, ещё месяц-два, пока наведут порядок, и только потом дорога. Полгода до Бурдигалы, если считать с нынешним. Денег на полгода не хватит, а на обратный путь не останется вовсе.

Была ещё одна дорога: найти другого человека, который укажет на друидов. Но такой либо промолчит, либо донесёт, и тогда о нём узнают и казнят за измену.

Под эти счёты, долгие и неутешительные, он уснул.

Утром встал разбитым, словно и не спал. Дельных идей, как выйти из ситуации, так и не появилось.

Тиберий уже сидел на скамье и водил фигуркой по столу: ставил на край, отводил назад, ставил снова, будто расставлял солдат в строю. Играл он тихо, без криков и вопросов, и Кассий понял, что мальчик слышит, какое нынче утро в доме, и подстраивается под него.

— Ешь, — сказал Кассий и поставил перед ним чашку.

Квинт принёс из-под навеса хлеб, козий сыр и кувшин с водой, сел напротив и стал резать сыр тонкими ломтями, ровными, как монеты. Тиберий взял ломоть, но не съел, а положил на стол рядом с фигуркой.

— Ему тоже, — сказал он.

Кассий посмотрел на сына, потом на кусок сыра. Ничего не ответил и взялся за хлеб.

Квинт жевал молча. За стеной начинали шуметь — рынок просыпался.

Квинт заговорил первым.

— Ситуация скверная, но ты же понимаешь, что особого выбора у нас нет.

— Выбор есть всегда! — вспылил Кассий.

— Господин, позволь спросить, почему ты так торопишься?

Кассий пристально взглянул Квинту в глаза и ответил шёпотом, чтобы Тиберий не мог слышать:

— У меня заканчивается время, Квинт. Я умираю, а у торговца есть информация, которая может меня спасти.

Квинт не стал продолжать расспросы и отвёл глаза.

Кассий начал прикидывать варианты вслух:

— Возможно, мы можем найти кого-нибудь из местных деревень, кто за плату проведёт нас мимо заблокированной дороги.

Квинт покачал головой.

— Мы не знаем, кому можем доверять, а кому нет. Местные с тем же успехом могут привести нас к разбойникам, и тогда... — он провёл большим пальцем по горлу.

— Тогда что ты предлагаешь, сидеть тут и смиренно дожидаться смерти? Я лучше рискну прорваться!

— Ты, может, и рискнёшь, а что насчёт мальчика?

Кассий молчал, понимая, что говорил на эмоциях.

— Я сейчас пойду к Метеллу, попробую с ним поговорить, может, что и выйдет с этого. В любом случае нужно все хорошенько обдумать.

Квинт вышел, не допив воду, и через две улицы дошёл до дома Метелла. Ворота стояли открытыми, собака лежала у порога и даже головы не подняла. В доме было пусто: на столе осталась немытая чашка, на скамье лежал плащ.

Сосед через стену, старик, чинивший сеть, ответил, не отрываясь от дела:

— С утра на совете. Там нынче все уважаемые люди в поселении.

— Где это?

— Длинный дом у площади, с колоннами. — Старик кивнул в ту сторону, потом всё же посмотрел на Квинта. — Не ходи туда, торговец. Там сегодня не торгуют.

Квинт поблагодарил и всё-таки пошёл.

У входа в длинный дом стояли двое с копьями и смотрели на него без любопытства, как смотрят на того, кого придётся остановить.

Квинт не стал тратить время на представления.

— Я к Метеллу, он меня ждёт.

Стражник повернул к нему голову: — То вряд ли, если ты только не член совета поселения. А будь ты им, я бы тебя знал.

— По какому поводу собрание?

— Мне почём знать? Какие-то новости с утра, вот уважаемые люди и собрались обсудить.

— И часто у вас такое случается?

— Не припомню, когда в последний раз. В любом случае пока совет не закончится, ходу нет. Хочешь, приходи позже, или вон посиди где-нибудь, подожди.

Квинт отошёл к колодцу и сел на каменный край.

Ждать пришлось долго. Из-за дверей доносились голоса, но слов было не разобрать: то один говорил ровно и длинно, то сразу трое перебивали друг друга. Дважды дверь приоткрывалась, и наружу выходили люди, которые шли через площадь быстрым шагом, как ходят, когда не хотят, чтобы их спрашивали.

На площади ветеранов стало больше, чем утром: кто стоял с копьём у стены, кто сидел на камнях и смотрел на дверь совета, будто ждал оттуда приговора. Никто не разговаривал громко.

Наконец дверь отворилась шире, и вышел Метелл — без плаща, мокрый от жары. Увидел Квинта, остановился и махнул рукой, подзывая следовать внутрь за ним.

Кассий сидел в горнице, слушал рынок и не находил себе места: вставал, подходил к двери, возвращался. Ключица тянула ровно, и от этого ровного тянущего он злился больше, чем от боли.

Тиберий устроился во дворе у бассейна. Из черепков он сложил стену, поставил на неё фигурку и сидел, подперев щёку.

— Кто это? — спросил Кассий.

— Он тут главный. — Тиберий поправил солдата, чтобы тот стоял ровно. — Его одного оставили.

Кассий хотел сказать, что главных одних не оставляют, но не сказал. Опустился на скамью рядом, и двор, вода с листьями и сын, который играл молча, на минуту стали всем, что у него было. Могло статься, что немного времени — это всё, что у него осталось.

— Тиберий, я хотел спросить, помнишь ли ты что-нибудь ещё из своих снов?

Тиберий рассеянно тряхнул плечами.

— Ну вот, к примеру, первые сны, которые начали сниться, — что там было?

— Там был ты, отец.

Кассий перестал дышать.

— И что же я делал?

— Ты был плохим, делал плохие вещи.

— Какие?

— Ты был весь в крови, и ты сказал людям в красных плащах — своим, таким же, как ты, — чтобы они подожгли дома и деревья.

Кассий лишился дара речи: то, что он услышал от сына, вернулось к нему болезненным воспоминанием. Во время службы трибуном ему поручили найти убийц сборщика налогов. Он со своим отрядом несколько недель шёл по следу, одного взяли, и под пытками он выдал остальных. Деревня, где они стояли, была маленькая, полупустая, в роще. Штурмовать её значило потерять людей, а кого-то и упустить. Он велел подпалить деревья вокруг. Когда разгорелся пожар, он услышал пронзительные крики мужчин, женщин, детей... Он в тот же миг понял, какую ошибку совершил, полагая, что там нет никого, кроме вооружённых мужчин, но исправить её уже было невозможно. Когда на следующий день пожар стих, он отправился в деревню, но уже заранее знал, что увидит. Так и вышло: десятки обгоревших тел лежали на земле, скорченные, с застывшими лицами. Это были люди, которые ни за что приняли мучительную смерть.

— Отец? — Тиберий смотрел на него так, словно долго не мог дозваться.

Кассий не знал, сколько времени он провёл в оцепенении. Тяжело сглотнув, он спросил:

— Тиберий... А что было потом?

— Люди с тёмными лицами и рогами на голове, они стояли у большого камня и деревьев, там ещё был большой костёр, они что-то пели по-злому, а потом убивали животных, и... — замялся мальчик.

— Говори, Тиберий, как помнишь. Не волнуйся, всё хорошо, это всего лишь плохие сны. — Кассий старался его успокоить.

— Когда они смотрели на умерших животных, они видели лица людей, и среди них было твоё.

В это время в длинном доме было душно, как в бане. Метелл увёл Квинта в угол, где у стены стояла свободная скамья и откуда не слышно было, о чём говорят у стола.

— Садись, — сказал он и поставил между ними кувшин; вид у него был уставший.

— Что-то произошло?

— Да, на рассвете вернулся охотник. — Метелл взял со стола хлеб и смял его в кулаке, будто забыл, что делает. — На дороге он нашёл наших: четверо шли из Толозы, все обезглав-

лены. Потом поскакал в хижину, к ветерану, что живёт там с женой и тремя детьми. — Он разжал руку и посмотрел на крошки. — Не успел. Там то же, что и на дороге.

Глаза у Метелла были красные, и Квинт узнал этот взгляд: такой бывает у солдат перед битвой.

— Соболезную тебе, друг. Никто не заслуживает такой смерти.

Метелл провёл ладонью по столу, будто смахивал крошки, и глаз не поднял.

— Ты-то тут при чём. — Он налил вина себе и Квинту. — Соболезнуют родне, а мы с тобой сидим и считаем.

Квинт к чашке не притронулся.

— Что решил совет?

— А что он решит. — Метелл вытер рот ладонью. — Кричали, стучали по столу, хотели идти на дорогу. Наместник запретил колонию покидать. Да и кого выпускать: мы уже давно не солдаты, а половина и вовсе калеки.

— Ублюдки крепко осели?

— Крепче, чем мы можем взять. Мост через реку, брод и старая гать в лесу. — Метелл налил себе ещё.

Квинт помолчал, прежде чем спросить:

— И каково решение совета?

— Его пока нет, будем принимать решение сегодня вечером, снова соберёмся. Приходи и ты со своим другом: вы люди военные, ваш голос лишним не будет. И мальца приводи, тут сегодня никому не сидится дома.

Они взялись за предплечья, и Квинт вышел на площадь. Жара спала, рынок стихал: последние торговцы сгребали товар в корзины.

Дома было тихо. Кассий сидел во дворе на скамье, Тиберий спал рядом, положив голову ему на колено, фигурка стояла на краю бассейна.

Квинт сел напротив и рассказал коротко: четверо на дороге, ветеран с женой и детьми в хижине, вечером совет.

Кассий слушал, не перебивая, и только положил руку сыну на плечо.

— Если они решат не дожидаться подхода когорты и взять всё в свои руки, нам это может пригодиться: быстрее вырвемся отсюда.

— Я тоже об этом подумал. Я не сомневаюсь, что горячих голов среди ветеранов много, но под силу ли им задача.

— Есть только одна проблема: если мы ввязываемся в это дело, то с момента, как переступим порог совета, легендой придётся пожертвовать. Никто не поймёт, на кой торговцы приглашены на военный совет.

— Да, тут ты прав, но если на одной чаше весов наша секретность, а на другой успех миссии, то я, пожалуй, готов рискнуть.

К вечеру жара спала окончательно, и над черепицей потянуло рекой. Они пошли втроём: Кассий, Квинт и Тиберий, умытый и в чистой тунике, которую отыскал в кладовой.

На площади у длинного дома горели факелы в железных чашках. Народу собралось больше, чем утром: кроме совета, стояли женщины с детьми, подростки, старик с сетью, возчики от обоза. Двери были раскрыты настежь, из них тянуло кислым вином и потом.

У входа их остановил тот же стражник с копьём. Увидел Квинта, кивнул:

— Проходите.

Тиберий прижался к отцу и пошёл рядом, глядя себе под ноги.

Внутри было шумно и душно. Скамьи сдвинули к стенам, чтобы освободить середину, а на полу углём был начерчен круг — то ли карта, то ли просто место, где положено спорить.

Метелл сидел у стола. Увидев их, поднял руку, и гомон начал стихать.

— Вот, — сказал он громко. — Те самые люди, о которых я говорил. Гай Кассий Лонгин, трибун. И центурион Квинт Корнелий, с которым мы вместе стояли.

Сзади кто-то переспросил: «Трибун?» — и в горнице стало тихо.

Старик без руки смотрел на Кассия дольше остальных.

— Из какого легиона?

— Из седьмого, — сказал Кассий.

Старик откинулся на спинку, будто ответ ему не понравился, но другого он не ждал.

— Седьмой, стало быть, — сказал он и постучал по столу пальцем. — Слыхали мы, что сталось с седьмым.

В горнице зашептались, кто-то у стены сказал сдавленно: «Бунтовщики», и это слово прошло по скамьям, как сквозняк.

Кассий не стал отводить глаз.

— Мы пришли не о легионе говорить. У вас на дороге убивают людей, а совет не знает, что с этим делать. Про дороги и заслоны мы знаем, пожалуй, побольше вашего.

Метелл поставил на стол кувшин так, что тот стукнул.

— Вот с этого и начнём. Говори, трибун, а мы послушаем.

— Спасибо, но я бы предпочёл прежде выслушать соображения тут собравшихся. Метелл, вы глава поселения, первый голос за вами, прошу, начинайте.

Кассий не торопился говорить первым, и по тому, как замолчала горница, было видно, что это оценили. Тиберий впервые видел отца не дома.

Мальчик стоял, прижавшись к отцовскому бедру, и смотрел снизу вверх, как на чужого человека. Кассий положил ладонь ему на голову, и Тиберий не отстранился.

Метелл откашлялся.

— Стало быть, так, — сказал Метелл. Он подбирал слова неспешно, и в наступившей тишине стало слышно, как в железной чашке факела потрескивает смола. — Нам надо решать одно из двух: брать это дело в свои руки или ждать контингент, как велено наместником. Только считать надо не обиды, а хлеб. — Он развёл ладони над столом, будто взвешивал на них невидимые мешки. — Через месяц без подвоза мы начнём есть последнее. Амбары у нас не полны, в соломе мыши. Из Толозы обоз не придёт, там дорога перекрыта. Вся надежда была на Массилию.

Квинт не стал дожидаться, что скажут другие. Он поднялся, и скамья за ним скрипнула по глиняному полу.

— С Массилии тоже ждать нечего.

Горница заговорила разом, будто где-то открыли плотину: застучали по столу, кто-то в углу поднялся во весь рост, факелы закоптили, и дым поплыл под потолком, задевая лица.

— Пока мы шли до Нарбона, — перекричал гомон Квинт, — нам встретились двое. Оборванные, при оружии, злые, как псы. Мы тогда решили, что это остатки банды. Теперь я думаю иначе: это были разведчики, посланные вперёд. И ту дорогу они, скорее всего, уже перекрыли.

Гомон оборвался, будто в горницу закрыли дверь. Старик без руки первым повернулся к Кассию, и за ним повернулись остальные.

— Значит, и с Массилии не придёт, — сказал он. — Что ж тогда делать?

По горнице прошёл гул, на этот раз другой — тише и тревожнее.

Квинт вышел вперёд.

— Братья по оружию! Я прошу вас проголосовать: выбираем ли мы путь меча, как в старые времена, или предпочитаем отсиживаться, как трусы, надеясь на этих сосунков из когорты. Мой голос вы знаете: я хочу напомнить варварам, как выглядят настоящие солдаты.

С задних скамей крикнули: «Дай договорить!» — и кто-то из молодых ударил кулаком по доскам, раз и другой, в лад.

Горница ответила не сразу. Потом у стены поднялся сухой старик с седым ёжиком на голове, поднял руку и коротко сказал: «Меч». За ним встал второй, третий, кто-то ударил по скамье ладонью.

У двери громко сказала женщина:

— А пахать кто будет, если мужики полягут? Их же потом не соберёшь.

Её поддержали с двух сторон, и гул снова пошёл по кругу: молодые держались за меч, старые за поля.

Тиберий, глядя на поднятые руки, тоже поднял свою. Кассий, не глядя, накрыл её ладонью и опустил.

Метелл поднял ладонь и стал считать, тыча пальцем в воздух перед собой:

— За меч — раз, два, три, четыре, пять... — Он сбился, выругался вполголоса и начал заново, и в горнице стало тихо, потому что все смотрели, как старик считает поднятые руки. — Шесть, семь, восемь. За поля — раз, два, три...

Пальцев у него не хватило. Метелл опустил руку.

— За меч вдвое больше, — сказал он, и по тому, как он это сказал, было ясно, что радости ему это не прибавило.

Метелл стукнул кувшином по столу — раз, другой, чтобы слышали все.

— Стало быть, порешили, — сказал он. — Путь меча. — Выговорил он это без радости, как приговор. — В таком случае гражданское правление кончилось, начинается военное. Командующим нашими силами должен стать вышестоящий офицер в поселении, а это, как известно, трибун Гай Кассий Лонгин. Вторым по старшинству, как префект лагеря, — я. Третий у нас центурион преторианской гвардии Квинт. — Метелл принял официальную позу и повернулся к Кассию, глядя прямо перед собой.

— Господин, какими будут приказания?

Кассий держал чашку в руке, но так и не выпил.

— Прежде всего узнать, с чем имеем дело. Не завтра и не послезавтра, а этой ночью: четверо, кто умеет ходить тихо, к мосту. Считать костры, смены, где стоят лошади. Без этого любой бой будет гаданием на потрохах. Также надо понимать, какие силы у нас самих.

Тиберий слушал снизу, задрав голову, и во рту у него пересохло от одного слова «бой».

— Сколько у нас людей? — спросил Кассий.

Метелл помолчал, будто считал по пальцам под столом.

— Кто может держать оружие — тысячи две, а то и больше. Только это не солдаты. — Он обвёл горницу рукой. — Это дети наши, внуки, пахари, возчики, кузнецы. Многие отцов своих помнят стариками, а не в строю. Ветеранов, кто сам служил, чуть поболе двух сотен, и у половины руки-ноги не те, что прежде.

Старик без руки у стола усмехнулся в сторону, будто ему это было известно давно.

— Две сотни обученных, — сказал Кассий, — это уже сила. Вопрос в том, сколько из них дойдёт до моста, если мы соберём их всех.

Квинт снова шагнул вперёд и выровнялся. С Кассием он был на «ты» и по имени, но при людях звал его господином — и сейчас сказал так, чтобы слышали все:

— Господин, позвольте мне заняться оценкой состояния ветеранов.

Кассий коротко стукнул чашкой по столу.

— Твоё предложение принято, центурион. Метелл, я хочу, чтобы среди гражданских набрали только добровольцев, никакого принуждения. Завтра к вечеру мне нужны полные списки всех, кто в ближайшее время станет нашим боевым крылом. И к тому же сроку разведчики должны вернуться с донесениями. На этом совет на сегодня закончен, прошу не терять времени понапрасну, а начинать подготовку, жду всех завтра на совете.

Он оглядел горницу: в некоторых глазах он увидел страх, но в большинстве — азарт, какого ветераны, возможно, уже и не надеялись почувствовать.

Глава 6: Еще одна ночь

Утром на площади поставили стол. Метелл положил на него вощёную доску и стилус, и стилус до полудня никто не взял.

Квинт вышел на середину и велел строиться в две шеренги.

— Кто служил — направо. Кто оружие держал, а в строю не стоял — налево.

Двинулись не сразу. Старики переходили с места на место медленно, оглядываясь друг на друга, будто вспоминали, где стояли когда-то. У одного вместо копья были вилы, у другого — древко без наконечника, у третьего ничего.

Кассий стоял у стола и считал про себя.

— Сотня, — сказал он наконец. — И то с натяжкой.

— К вечеру будет больше, — сказал Метелл. — С утра всегда так: пока не видно, кто первый, никто не хочет быть первым.

Квинт прошёл вдоль шеренги, заглядывая каждому в лицо. Перед широким стариком со шрамом через бровь он остановился.

— Копьё держал?

— Двадцать лет.

— Руку.

Старик поднял ладонь. Квинт повернул её к свету: мозоли были старые, почти сошедшие, кожа гладкая, как ремень.

— Двадцать лет ты держал его каждый день. Теперь придётся до вечера. — Он отпустил руку. — Направо.

Дальше он не спрашивал, а только кивал или качал головой. Хромого с костылём отправил домой, и тот не спорил. Двоих близнецов, лет по шестнадцати, держал дольше остальных.

— Вы чьи?

— Кузнеца, — сказал один. — Он помер в позапрошлую зиму.

Квинт оглянулся на Кассия, тот кивнул. Квинт вернул внимание к близнецам.

— Вам повезло, парни. Такие красавцы нам пригодятся в арьергарде.

Кассий тихо сказал Метеллу:

— Вы продолжайте, я с Тиберием отправляюсь в зал совета, хочу изучить карту.

Он поманил сына за собой.

— Пойдём, Тиберий, оставим эту часть работы профессионалам.

Пока они шли к зданию совета, Кассий смотрел, как за один день изменился город. На улицах была суматоха: что-то выносили из домов, что-то, напротив, заносили. Пару раз он видел женщин со слезами на глазах, и куда больше — мужчин, выходивших со старым снаряжением, обутых в калиги на гвоздях, с решительными лицами. Тиберий вертел головой: мальчик впервые видел, как собираются на войну.

Подойдя ко входу здания совета, Кассий кивнул стражнику, и тот отступил с дороги.

Внутри было пусто и пахло вчерашним дымом. На столе лежала карта, склеенная из кусков кожи: тракт вдоль реки, мост, брод, гать.

Кассий развернул её к свету из двери и придавил по краям чашками.

— Вот мост, — сказал он. — Вот брод. А это, значит, гать.

Тиберий забрался коленями на скамью, чтобы видеть.

— А кружки?

— Их заслоны. Или то, что от них осталось, когда карту рисовали.

Он провёл пальцем по тракту до того места, где линия обрывалась.

— Тут кончается, — сказал Тиберий.

— Тут кончается карта, — сказал Кассий. — Дальше придётся считать самим.

Тиберий повёл пальцем от кружка к кружку и задержал его на мосте.

— Тут близко.

— Тут близко на карте. По тракту и через небольшой лес займёт не меньше полудня. Помни, что люди в тяжёлой броне и с обозом двигаются втрое медленнее всадников налегке.

Мальчик кивнул и стал считать кружки, сбился на третьем и начал заново. Кассий смотрел на его палец, ползущий по коже, и молчал.

— Юный легионер, мне нужно кое-что обдумать, для тебя есть важное задание. Могу положиться на тебя?

Мальчик не уловил иронии и сделался серьёзным и испуганным разом.

— Да, отец... то есть, конечно, господин.

Кассий не удержался и потрепал сына по голове:

— Вот тебе задание, и оно поважнее моих. Сядь и перерисуй тракт, от моста до обрыва. Каждый поворот, каждый кружок. Пока не выйдет, не вставай.

Тиберий взял стилус двумя пальцами, как держал палку для учения, и склонился над доской.

Кассий вышел на площадь. У кузницы стояла очередь: человек десять с копьями без наконечников, с топорами, с двумя мечами на всю толпу. Кузнец развёл руками, и очередь не расходилась.

— Сколько наконечников сегодня будет? — спросил Кассий.

— Смотря сколько железа, — сказал кузнец, не поднимая головы.

Кассий посмотрел на него, потом на очередь и вернулся в совет. Там он просидел над картой до полудня, а на площади тем временем шла своя работа.

Всё утро Квинт гонял свою набранную сотню: ставил в две шеренги, разводил, снова ставил, и всякий раз выходило криво. Остальным набором занимался Метелл.

— Не в ногу надо, — говорил он. — Надо, чтобы щит соседа не мешал.

Старики переставляли ноги, оглядываясь друг на друга, как в первый день.

Он велел принести щиты. Принесли семь, из них три без ремней; Квинт подвязал их верёвкой, попробовал на руке и поморщился. Потом прошёл вдоль строя и переставил людей.

Глухого поставил крайним, чтобы тот видел знак, а не слушал команду. Слепого на один глаз — с той стороны, где у соседа целое плечо.

— Ты за ним смотришь, — сказал он соседу. — Он за тебя.

Тот кивнул, но потом всё равно оглянулся на слепого, будто проверял, не ошибся ли.

Близнецы стояли в третьей шеренге, держа доски от бочек вместо щитов.

Ближе к полудню пришла та же женщина, что спорила вечером на совете, и принесла в корзине хлеб и кувшин воды. Поставила на камень и ушла, не сказав ни слова.

Квинт отломил горбушку, посмотрел ей вслед и сказал негромко:

— Вот из неё бы сотня вышла.

Солнце уже садилось, когда с хребта приехали верхами. Кони были мокрые, у охотника — глина по колено, и он долго не мог слезть, держась за луку. Подойдя, охотник оказался парнем не старше двадцати лет.

Квинт взял его коня под уздцы.

— Ну?

Охотник сполз на землю, сел на камень и не стал снимать плащ. Дышал он так, будто бежал рядом с конём.

— Воды, — сказал Квинт.

Принесли ковш. Охотник выпил до дна, вытер губы тыльной стороной ладони. На шее у него на шнурке висел волчий зуб, и он то и дело трогал его пальцем.

— Там все? — спросил Квинт.

— Все, — сказал охотник и посмотрел на совет. — При всех и скажу.

— Тогда пойдём.

Втроём они пошли к совету. У входа уже скапливались главные лица поселения. Дожидались остальных, прежде чем войти.

Они постояли немного, потом Метелл дал знак, что пора. Квинт занял место как можно ближе к Кассию. За эти дни он не видел его таким вымотанным.

Когда каждый занял своё место, Кассий потёр глаза и встал.

— Что ж, начнём. Разведчики вернулись?

Квинт указал на чумазого охотника за спиной.

— Вернулись трое из четверых, последнему, судя по всему, повезло меньше, господин.

— Что удалось выяснить?

— Враг разбил лагерь по ту сторону моста, три или четыре сотни.

— Известно ли, основные это силы врага или только часть?

— Неизвестно, господин, разведчики дальше не пошли.

Кассий заметил, что молодому охотнику есть что сказать.

— Парень, тебе известно больше?

— Да! То есть не совсем, господин, от местных галлов я слышал, что основные силы они собирают где-то в окрестностях Тауракса.

По горнице пошёл шум, негромкий, но сразу со всех сторон: кто-то присвистнул, кто-то выругался себе под нос, женщина у двери прижала ладонь ко рту.

— Тауракс, — сказал старик без руки и постучал пальцем по столу. — Это ж не здесь.

— Не здесь, — согласился охотник. — Дня два, если напрямик через лес.

Метелл взялся за кувшин и не налил. Кто-то у стены сказал: «Так они к нам и придут», и его никто не поправил.

Кассий смотрел на карту, на то место, где линия обрывалась.

— Стало быть, у моста не войско, — сказал он. — Заслон. Чтобы мы сидели и смотрели, как оно собирается.

Слово взял старый ветеран с глубоким шрамом на щеке: — Так и пусть. Зачем нам тащиться за ними? Дождёмся ублюдков здесь и надерем им зад. Нарбон крепко защищён, кучку крестьян выдержит.

Горница ответила почти согласно: застучали по скамьям, кто-то поднялся и сказал «верно», женщина у двери кивнула — впервые за два дня.

— Стены у нас крепкие, — сказал Метелл, и по голосу было слышно, что ему самому хочется за это ухватиться.

— И ворота, — добавил кто-то от печи.

Кассий молчал. Он смотрел не на ветерана, а на карту: на мост, на брод, на гать в лесу. Пальцы у него лежали на столе, и он не двинул ими ни разу.

Квинт заметил это первым и при всех ничего не сказал. Только когда шум поднялся выше, он наклонился к самому уху:

— Господин?

Кассий поднял глаза, будто его разбудили. Он понимал, что смысл в словах людей есть. Но так же отчётливо он знал, что стремительность лучше промедлений. Было тяжело от осознания, что от его решения зависят жизни многих людей, в том числе сына.

— Прошу тишины. — Он подождал мгновение, прежде чем продолжить. — Как бы соблазнительно ни было занять оборону, мы не можем себе это позволить. Враг собирает силы. Дадим ему время, и через месяц под стены он приведёт тысячи, тогда никакие стены не помогут: их просто некому будет держать по всему периметру. Или элементарно возьмут нас измором. А надеяться на одну когорту, отправленную в подкрепление, не приходится: как увидят число врага, отступят.

Горница притихла. Кто-то у стены всё-таки сказал:

— Нас слишком мало.

— Кстати, об этом: сколько у нас всего людей?

Метелл ответил: — Две сотни ветеранов и пятьсот пятьдесят добровольцев. Итого семьсот пятьдесят человек.

— Семьсот пятьдесят, — повторил Кассий.

По горнице пошёл тихий гул другого рода: люди пересчитывали друг друга взглядами, и многие считали неверно.

— Хорошо, это уже неплохо. Заслон точно снимем, главное не опоздать к тому времени, когда они соберутся все. Охотник, как тебя зовут?

— Эцимиос, господин.

— Ты галл? — Кассий не смог скрыть удивления.

По горнице прошёл шёпот. Галлов в колонии знали: с ними торговали, у них покупали вино и шкуры, но в совет их не звали. А уж того, кто ходит с луком по этим дорогам и знает, где стоят чужие костры, не звали и подавно.

Метелл поспешил вмешаться: — Господин, он один из нас, родился и вырос тут. Я ручаюсь за него своей жизнью.

Кассий не отводил от Эцимиоса глаз; парень не выдержал и отвёл глаза.

— Доверюсь твоему слову. Тогда так: завтра на рассвете мы с Эцимиосом уходим на разведку вдвоём, в поисках главных сил врага.

Он сказал это и не посмотрел на сына, хотя знал, что тот в горнице. Квинт заметил и это: приказы Кассий отдавал, глядя в карту.

Квинт вмешался: — Господин, разумно ли это? Позвольте мне с ним отправиться, вы нужны, чтобы вести людей.

Кассий парировал: — Нет, не нужен. План я составил, приказы написаны, по окончании совета я вам их выдам. Теперь касательно плана. — Он собрался с силами.

— У вас десять дней. Не теряйте времени, готовьтесь, берите с собой фураж на десять дней. И вне зависимости от того, вернусь я или нет, на десятый день выдвигайтесь в сторону моста. Двигайтесь неспешно, потому что, достигнув моста, придётся сразу вступить в бой: нельзя позволить врагу опомниться. — Он вспомнил, что кое-что забыл уточнить.

— Кстати, есть ли тут кто-нибудь, кто был декурионом в легионах?

Вперёд выступил седой худой мужчина с узким лицом и холодными глазами.

— Меня зовут Плацин Эмилий, господин.

— Плацин, отбери тридцать человек, что посильнее сидят в сёдлах, — так у тебя сформируется полноценная конная турма.

— Принято, господин. Будут дополнительные указания?

Кассий сразу понял: ох, не зря этот ветеран дожил до старости. И надеялся, что среди ветеранов он такой не единственный.

— Да. Держись впереди пехотной колонны. Если заметишь врага, в бой не вступай, отходи. И так до выхода к мосту. Там, если встанут их разведчики, отгони: они не должны видеть приближение нашей пехоты.

— Будет исполнено, господин. — Плацин сухо кивнул и отошёл назад.

— Дальше, по части пехоты. У нас набирается девять полноценных центурий. Квинт, особенно крепких ветеранов назначь центурионами и опционами, и одну центурию держи в резерве. Перед выходом к мосту быстро перестройтесь из походной колонны в боевую и в ней дойдите до середины моста. — Он пальцем показывал на карту, когда остальные нагнулись, чтобы посмотреть.

— А щиты? — спросил от печи тот же голос, что хвалил ворота. — У нас щитов на треть строя.

— Значит, первый ряд встанет со щитами, второй положит копья на плечи первым, — сказал Кассий, не поднимая головы. — Третьему ряду и этого не надо. Ему надо не побежать.

Кто-то коротко засмеялся, но смех вышел невесёлый.

— На середине моста выпустите вперёд пращиков. Думаю, парочки плотных залпов хватит, чтобы враг разозлился и бросился на вас; тогда пусть пращики быстро убираются назад.

Он взял чашку и поставил её поперёк карты, на мост.

— Пока враг подойдёт, встретьте его летящими пилумами. А дальше всё предельно просто: там будет узко, и они налетят на нашу стену щитов, где бой в строю и гладии быстро сделают своё дело. После займите плацдарм на месте их лагеря, дайте людям отдых до следующего дня и выдвигайтесь в сторону Тауракса. Помните: наш успех зависит от того, насколько быстро мы всё провернём. Враг не ждёт такой прыти от колонии ветеранов, так пусть же горько об этом пожалеет.

Он замолчал, пытаясь вспомнить, не забыл ли чего. Эцимиос у стены всё это время трогал пальцем волчий зуб, будто считал.

— На этом всё, — сказал Кассий. — Отрабатывайте манёвры, которые запланированы.

Тиберий сидел на скамье у дальней стены, прижав к груди доску с перерисованным трактом. Он смотрел на отца и, кажется, не узнавал его.

Домой шли без разговоров. У ворот Тиберий вытащил доску из-под плаща и протянул отцу, не глядя.

— Покажи, — сказал Кассий.

Он ждал кривых линий, но тракт лёг ровно. Кружки стояли на местах, река была прочерчена двумя чертами, как берега.

— Это что? — он ткнул в короткую палочку у брода.

— Тут мелко. Ты говорил, брод мельче моста.

Кассий положил доску на стол и долго не поднимал головы. Он чувствовал себя опустошённым: последние сутки прошли в спорах, и решения всё не было, хотя на людях он старался этого не показывать. Несмотря на усталость, он понимал, что у Квинта и Тиберия будут к нему вопросы, и потому готовился к предстоящим разговорам.

— Утром я уйду до света, — сказал он. — Квинт и Метелл остаются, они будут приглядывать за тобой.

— Я знаю, — ответил Тиберий. — Ты всегда уходишь до света. Отец, но почему ты?

— Понимаешь, от этого зависят жизни хороших людей, которые заслуживают, чтоб о них позаботились. Я не могу это доверить кому-то другому, я должен быть уверен сам.

Мальчик погрустнел: — Но ты ведь вернёшься?

Кассий положил руку на плечо мальчика: — Разумеется, я ведь всегда возвращался, не так ли?

Тиберий уснул, не выпустив доску из рук. Кассий посидел над ним, потом вышел во двор.

Квинт сидел у колодца и точил меч. Камень шёл по лезвию медленно, с водой.

Кассий положил рядом вощёные таблички.

— Приказы. Если я не вернусь, отдашь Метеллу.

Квинт не взял их.

— Я пойду с вами.

— Нет.

— Он вам не нужен, — сказал Квинт. — Я читаю следы лучше него, и вы это знаете.

— Знаю. — Кассий сел на край колодца. — Но он из галлов, он будет меньше привлекать к себе внимания, и мне нужно, чтобы ты остался здесь. Если я не вернусь, кто-то должен довести этих людей до моста, а мальчика — до Рима.

— В таком случае я не понимаю, почему я не могу пойти вместо тебя?

Кассий сухо рассмеялся от усталости.

— Послушай, Квинт, может, покажется тебе это глупостью, но я, наверное, больше всего боюсь стать Варом, который доверился варвару; это печально закончилось для легионов. Если я сгину, то хотя бы буду знать, что уберёг вас от бойни. Мне важно сделать это самому.

Он увидел холодный блеск в глазах Квинта.

— Если этот Эцимиос будет вести себя странно, не сомневайся, прикончи его на месте.

Кассий кивнул: — Я буду осторожен. Если я не вернусь до того момента, когда надо будет выступать на Тауракс, отправь турму вперёд. Если заметите, что враг значительно превосходит нас в силах, отправьте послание наместнику и возвращайтесь в Нарбон.

Квинт встал, вскинул кулак к груди: — Вы можете быть спокойны, господин, я позабочусь о ветеранских задницах Нарбона.

До света Кассий не спал. Лежал одетый, слушал, как за стеной храпит через нос Квинт, и смотрел в потолок, где по балкам полз серый свет.

Эцимиос ждал у ворот. Держал двух коней в поводу; за спиной у него был лук, на шее — тот же волчий зуб.

— До полудня надо уйти за реку, господин, — сказал он тихо. — Пока у них не сменились дозорные.

Кассий оглянулся на дом. Окно, где спал Тиберий, было тёмным.

Он взял повод и первый вышел за ворота.

Ехали лесом, не по тракту. Эцимиос вёл тропой, которой на карте не было: между орешником, вдоль ручья, потом через вырубку, где пни стояли выше всадника.

— Кто тебя этой тропе научил? — спросил Кассий.

— Отец. Он за оленем ходил до самой старости.

— А теперь ты ходишь.

— Теперь я.

* * *

В Нарбоне в то же утро на площадь вышел Квинт. Метелл ждал его у стола со списками.

— Трибун уехал, — сказал Квинт громко, чтобы слышали все. — Пока его нет, приказы мои.

Никто не спросил, куда уехал трибун. За спиной у Квинта на камне сидел Тиберий с доской на коленях, смотрел, как старики становятся в две шеренги, и держал её так, будто она была щитом.

* * *

К полудню они вышли к реке в том месте, где берег был низкий. Эцимиос остановил коня и показал рукой: на песке темнели круги от костров, не меньше десятка, и всё это было присыпано, будто кто-то заметал.

— Вчерашние, — сказал он. — Или позавчерашние.

Кассий смотрел не на песок, а на его руку: она не дрогнула.

— Люди всё прибывают к нему. Нам надо как можно скорее выяснить, кто у них вождь, где они и сколько их.

Эцимиос, сидя на корточках, думал.

— Будем действовать так. По пути к Таураксу есть и другие галльские поселения, нам надо поговорить с людьми, живущими там, что-нибудь расскажут. Но вы римлянин, надо вас замаскировать. — Он указал на мокрую землю. — Измажьте лицо и волосы. Я буду представлять вас немым помощником.

Кассий слез с коня, зачерпнул у берега мокрой земли. Она пахла тиной и железом. Он вымазал щёки, лоб, шею, потом провёл ладонями по волосам, пока они не легли тёмными прядями.

— Ещё уши, — сказал Эцимиос. — И руки до локтя. У вас руки белые, как у писца.

Кассий вымазал и руки. Гладий он снял с пояса и сунул в перемётную суму, под войлок.

— Немой и без меча?

— Немой и с ножом, — сказал Эцимиос. — Нож у нас у всех.

Он оглядел Кассия, обошёл вокруг и поправил ему край плаща.

— Глаза в землю, господин. Немой смотрит в землю.

Поселение показалось к вечеру: не деревня, а десяток хижин, обмазанных глиной, вокруг одной большой, крытой соломой. Над ней висел дым, и пахло не хлебом, а горелым.

— Держись за мной и молчи, — сказал Эцимиос и первым въехал между домами.

У крайней хижины сидела старуха и что-то плела из прутьев. Она подняла голову и долго смотрела на Кассия, потом сказала что-то короткое.

Эцимиос ответил не сразу, легко, будто и не уезжал отсюда: слова шли друг за другом, и в них слышалась усмешка.

Кассий стоял, глядя в землю, и слушал их речь, в которой не понимал ни слова.

Старуха говорила долго и всё быстрее, а Эцимиос кивал и один раз переспросил. Потом наклонился к Кассию и сказал по-латыни, не разжимая губ:

— Большой воин приходил сюда. Забрал двух парней и всю соль.

— Когда?

— Пять дней назад.

— Сколько с ним было?

Эцимиос спросил, и старуха подняла руку, растопырив пальцы, потом ещё раз.

— Два десятка, — сказал Эцимиос. — Может, больше. Говорит, шли не за добычей. Шли и считали дома.

Кассий поднял глаза, и старуха как раз посмотрела на него — прямо, не отводя.

Она сказала что-то негромко, не поворачиваясь к Эцимиосу.

Эцимиос засмеялся и ответил коротко, будто отмахнулся.

— Что она сказала? — спросил Кассий, не шевеля губами.

— Спросила, откуда у немого такие руки.

Кассий посмотрел на свои ладони. Грязь подсохла и трескалась, а под ней, на сгибе большого пальца, белела мозоль от рукояти, которую не спрячешь.

Из большой хижины вышел мужчина и остановился в дверях, держась за косяк. Он смотрел не на Эцимиоса, а на второго коня, и на коне был римский потник с медными кольцами.

Мужчина что-то проговорил недовольно, тыча в них пальцем. Эцимиос терпеливо его выслушал, потом приложил руку к сердцу и спокойно ответил. После повернулся к Кассию и сделал знак: уходим.

— Что он говорил?

— Что из-за нас у них будут неприятности. Что хватит с них и этих. В общем просил уйти.

Они повернули коней. Никто их не провожал: ставни закрылись, старуха снова склонилась над прутьями, будто их тут и не было.

У последней хижины их догнал мальчишка лет двенадцати. Шёл рядом, держась за стремя Эцимиоса, и говорил быстро, оглядываясь.

— Что он? — спросил Кассий.

Эцимиос слушал, наклонив голову.

— Говорит, большой воин стоит не у Тауракса. Стоит у старой переправы. Он сказал, что кто захочет присоединиться, пусть в ближайшие дни идёт туда. — Он помолчал. — И говорит, что там их много, а у моста оставили мало, чтобы никто не видел, сколько на самом деле.

Кассий посмотрел на мальчишку. Тот смотрел в землю, как велено немому.

Отъехали с милю, и Эцимиос свернул в ольшаник, к воде.

— Пройдём ещё немного выше и заночуем там, среди деревьев: нас никто не увидит. А кто увидит, примет за местных охотников. Завтра отправимся в ещё одно поселение, оно будет покрупнее и позажиточнее.

— В поселение? Я думал, мы пойдём на старую переправу.

— Вы сами сказали, что нам нужно собрать больше сведений. В том поселении есть таверна: там к ночи кто-нибудь напьётся, а где люди пьют, там многое рассказывают.

Кассий помолчал и кивнул.

— Хорошо. Но если к завтрашнему вечеру мы не узнаем ничего нового, идём к переправе. Сами.

— Идёт.

Огня они не разводили. Съели по куску хлеба, запили водой из фляги, и Эцимиос бросил Кассию свой плащ, хотя сам остался в одной тунике. Ночь выдалась холодная, хотя ветра не было.

Ночью Кассий просыпался дважды. Оба раза охотник сидел, привалившись спиной к ольхе, и слушал лес. Он не спал совсем или спал так, что понять было нельзя.

«Квинт бы тоже не спал», — подумал Кассий и в темноте усмехнулся сам себе.

Кассий проснулся в третий раз, не открывая глаз, и попытался сразу же уснуть. Но через мгновение понял, что на этот раз его разбудило другое: он открыл глаза, увидел неподвижно сидящего, как статую, Эцимиоса и стал прислушиваться. Ему казалось, что его спина вздрагивает, а потом он понял, что так подрагивает земля.

— Что это?

Эцимиос приложил палец к губам.

— Тише, если не хотите это выяснить.

Кассий тихо привстал и придвинулся к охотнику. Прошло минут пять, и его снова начало клонить в сон, когда глаза раскрылись от пронзительного крика боли. Он ничего не сказал, только быстро обернулся к Эцимиосу, на этот раз повторяя вопрос глазами.

У него похолодели пальцы. Он потянулся за гладием, которого не было, и обнаружил, что кисть дрожит мелко, будто от холода; он накрыл её другой рукой и держал, пока дрожь не унялась. Только потом заметил, что дышит через раз и что в горле пересохло так, будто он всю ночь шёл по песку.

Эцимиос заговорил с неохотой и шёпотом.

— У него много названий, и ни одно ничего вам не скажет. Одни говорят, что он, живя в лесах, служит богу Эзусу, а это бог, которого умилостивляют кровью. Другие говорят, что он его сын. Он похож на быка и обладает той же силой.

Кассию не нравились такие описания.

— На кой мы тогда сюда попёрлись?

Охотник пожал плечами.

— Никогда не знаешь, где его застанешь. Но вы можете спать, нас он не тронет, по крайней мере сегодня.

— С какой это стати мы можем быть в этом уверены?

— Вы слышали крик человека, он уже выбрал жертву. Других трогать не будет.

Кассий так и не понял, спал ли он после этого, как не понял, сколько длилась агония человека и в какой момент она прекратилась. Он реагировал на каждый шорох, пока не настал рассвет и не пришло время подниматься. Лицо у охотника было немного опухшим: судя по всему, он успел поспать час или два.

Встав и быстро собравшись, они двинулись дальше. Кассий чувствовал себя не в своей тарелке: забот заметно прибавилось, и теперь, помимо опасений, что враги найдут их, приходилось думать о каком-то сумасшедшем, пытающем людей в ночи.

Через пару часов тропа, по которой они шли, привела их к лесной поляне. Кассию в нос ударили запахи, которые отлично знает каждый солдат. Он мысленно набирался сил, ожидая увидеть труп. Увидел он больше, чем ждал. Он еле сдержался, почувствовав приступ тошноты, и прикрыл рот рукой, чтобы не вырвать. Пальцы у него дрожали, и это было хуже тошноты: руки, которые держали меч много лет, ходили ходуном, как у мальчишки после первого боя. Он спрятал их за спину, чтобы не видел охотник. На ветви старого дуба висел подвешенный за ноги голый мужчина, его руки свисали к земле, напоминая ответвления дерева, и Кассий понял, что кости и суставы были переломаны и выгнуты в разные стороны. Волосы и часть головы у него обгорели. На земле под телом тлел маленький костерок, потушенный, судя по всему, натёкшей из надрезов под мышками кровью.

Кассий видел разные пытки, но от этой его затрясло, и он больше не хотел ночевать в этом лесу. Смерть бедного человека была ужасной. Тот ничего не мог поделать: вначале ему переломали руки, потом подвесили к дереву, развели огонь и сделали надрезы, из которых кровь сочилась слишком медленно, чтобы дать смерть; он не мог приподняться из-за боли и терпел, как у него закипает голова.

— Это просто отвратительно! Только больной ублюдок мог сделать такое.

Охотник смерил Кассия презрительным взглядом.

— Я видел, как ваши подвешивают своих дезертиров на деревьях. А тех, чьи жизни не считают достойными, пытают, убивают и оставляют на глазах родных, не позволяя захоронить тело. Этот лес принадлежит им, и это их боги. — Он повернул коня в сторону.

Кассий был зол — и от увиденного, и от взаимных упрёков в варварстве, — но отвечать не стал. Они двинулись дальше.

К вечеру тропа вывела их на длинный склон. Эцимиос остановил коня и показал рукой на запад, где над деревьями стояла дымка.

— Вон там поселение. К завтрашнему полудню дойдём, если тропой.

— А если напрямик?

— Напрямик через лес — засветло. — Охотник не договорил и потрогал волчий зуб.

— Значит, ещё одна ночь, — сказал Кассий.

— Ещё одна ночь, — согласился Эцимиос.

Кассий посмотрел на лес. Тот стоял тихий и ровный, и в нём не было ничего, что можно было бы принять за опасность; от этого становилось хуже.

Глава 7: Первый приговор

День первый Квинт начал раньше всех. Над черепицей только серело, а он уже стоял у стола на площади, где вчера считали людей, и раскладывал списки. Метелл оставил их под камнем, придавив, чтобы не унесло ветром. Квинт прочёл оба дважды, потом взял стилус и начал считать сам, по головам, а не по строкам.

К полудню пришло меньше, чем значилось.

Тиберий явился, когда солнце поднялось над рынком. Пришёл один, с отцовской доской под плащом, и остановился в двух шагах от стола.

— Я тоже считал, — сказал он. — Ночью. У меня вышло меньше.

Квинт отложил стилус и посмотрел на мальчика. За его спиной на площади старики становились в две шеренги, и выходило у них криво, как вчера.

— Садись, — сказал Квинт. — Покажешь.

Тиберий положил доску на стол и повернул её к нему. На обороте, где отец велел перерисовать тракт, шли неровные зарубки, по одной на каждый десяток, и под ними процарапаны палочки помельче.

— У меня на шесть меньше, — сказал мальчик. — У Метелла записано на шесть больше.

Квинт провёл по зарубкам пальцем, будто проверял, глубоко ли резано.

— Как считал?

— С утра у колодца. Кто пришёл, того и отмечал.

— А кто не пришёл?

— Их я не считал. — Тиберий помолчал. — Они же не пришли.

Квинт посмотрел на него, обдумывая, как сказать это мальчику.

— Тиберий. Отец сейчас в лесу, и всё, что мы тут сделаем, будет за нас двоих. Мне нужно, чтоб с сегодняшнего дня ты держал списки и знал по именам, кого нет на сборе.

Тиберий выпрямился и подался вперёд.

— А что будет тем, кто прогуливает?

Квинт улыбнулся уголком рта.

— О, парень, им это не понравится. Но об этом будем позже.

Он поднялся и пошёл к шеренгам. Метелл ждал его у колодца, держа кувшин обеими руками.

— Шестеро из списка отсутствуют.

— К вечеру подтянутся, — сказал Метелл.

— Так не пойдёт. К вечеру я уже буду знать их имена.

Метелл поставил кувшин на камень, не допив.

— Это не легион, Квинт. У половины огород, у четверти скотина.

— Огород у них останется и завтра, если только доживут, а доживут ли, зависит от того, как они себя поведут в ближайшие дни. Ты сам прекрасно это знаешь, они выбрали путь меча.

Квинт повернулся к строю. Шеренги притихли, и стало слышно, как у кузницы бьёт молот.

— Слушайте, — сказал он негромко. От негромкого его голоса услышали и в последнем ряду.

Он прошёл вдоль шеренги, заглядывая в лица, как в первый день.

— Вчера вы записались сами. Никто вас не гнал и не считал. Но записались вы не на прогулку. С этого утра вы не добровольцы, вы солдаты. Кто не встанет на сбор, будет считаться дезертиром. А дезертира по военному закону ждёт одно.

Он не стал продолжать сам, чтобы приговор прозвучал не от него одного.

— Метелл?

Метелл с большой неохотой произнёс:

— Дезертира ждёт смертная казнь.

В строю кто-то переступил с ноги на ногу. Ветеран со шрамом через бровь смотрел на Квинта в упор, и по лицу его было не понять, согласен он или запоминает.

Слово прошло по шеренгам и умерло.

— Сбор в третьем часу, — сказал Квинт. — Кто не станет в строй, того я буду искать сам.

Из третьей шеренги подали голос:

— А ежели хворый?

— Хворый пусть передаст об этом через кого-нибудь, я отправлю к нему врача осмотреть. Тогда я поверю.

В строю зашептались, но недолго. Квинт вернулся к столу, и Тиберий, сидевший на камне с доской на коленях, придвинулся ближе, чтобы видеть его лицо.

— Пиши, — сказал Квинт. — Сбор в третьем часу. Имена тех, кого нет.

Тиберий пристроил доску на коленях и стал выцарапывать стилусом, высунув язык от старания. Буквы выходили крупные, как у отца на приказах, и от этого Квинту стало не по себе.

— В столбик, — сказал он. — Один под другим. Хворых отдельно, с именем того, кто передал.

Мальчик кивнул и принялся заново, а Квинт пошёл к шеренгам, где Метелл уже разводил людей по десяткам.

К третьему часу на площади стояли все, кроме двоих.

Квинт пересчитал сам, потом посмотрел на Тиберия. Тот уже встал и держал доску перед собой, будто щит.

— Читай, — сказал Квинт.

Мальчик откашлялся и прочёл, запинаясь на длинных именах:

— Тит Валерий. И Нумерий, у которого дом у реки.

Метелл услышал и опустил руку с палкой, которой показывал десятникам, где стоять.

— Нумерий вчера жаловался на поясницу, — сказал он.

— Это проверим. — Квинт кивнул двоим из первой шеренги. — Привести обоих. Пешими и со связанными руками.

Те переглянулись и пошли к воротам, не слишком быстро.

Квинт смотрел им вслед, а на площади было тихо так, что слышно стало, как на рынке торгуются из-за рыбы.

Он обратился к остальным:

— Сейчас из вон тех повозок вы разбираете щиты и тренировочное оружие, и мы с вами будем пытаться выглядеть как настоящие центурионы.

Некоторые повернулись в сторону повозки с волнением, иные со страхом, а большинство ветеранов с понимающей ухмылкой.

— Разбиваемся по назначенным центуриям, будем сегодня отрабатывать бой в строю. И ещё кое-что, мальчики: центурия, которая проявит себя сегодня лучше других, получит завтра дополнительные полдня отдыха. А худшая, что ж, останется отрабатывать до ночи.

Щиты разбирали долго. На тридцать человек пришлось двенадцать настоящих, остальным достались доски от бочек и по паре палок на десяток.

— Щит не выше подбородка, — говорил Квинт, проходя вдоль ряда. — Кто поднимет выше, тому первый же удар в живот.

Он остановился перед стариком, у которого доска висела на верёвке поперёк груди, и молча перевернул её на четверть.

— Так держится.

Тиберий сидел у стола и что-то писал на доске, поглядывая на строй. К обеду он подозвал Квинта и показал: у третьей центурии против каждого имени стояла палочка.

— Они лучше, — сказал он. — У них щиты настоящие.

— Кстати об этом. Я сейчас вернусь.

Он подошёл к Метеллу.

— Метелл, нам нужно больше оружия, доспехов, щитов. Когда мы выйдем из города, мы не можем выглядеть как стая оборванцев. Если только не ставим целью рассмешить врага до смерти. — Он лукаво улыбнулся.

Метелл ответил с понимающей улыбкой:

— Я уже велел. На складах мало такого добра, а вот в домах много. Я попросил людей сегодня всё снести из домов, а если не хватит, то завтра отдам приказ начать конфискацию по домам. Так или иначе выглядеть мы будем как солдаты.

— Конфискация подождёт, — сказал Квинт. — Сначала пусть принесут сами.

— Сами принесут не всё.

— Значит, завтра пойдём по дворам, но с писарем и со списком: что взяли, у кого и кому вернуть после. — Он помолчал. — Мы их войско, Метелл, а не разбойники с большой дороги.

Метелл хмыкнул, но спорить не стал и пошёл к повозкам.

Тиберий, который стоял у стола и слышал всё, спросил шёпотом:

— А если кто не отдаст?

— Значит, у него есть причина, — сказал Квинт. — Причину тоже запишем. Но я уверен, что соберём достаточно: людям будет легче расставаться с железяками, когда они знают, что это может спасти жизнь людям, которых они любят.

Солдаты упражнялись под окрики центурионов. Квинт заметил парнишку лет двенадцати, который наблюдал за тренировками с полным восхищением. Потом поискал глазами ещё немного и увидел старого ветерана: тот сидел на заднице и пытался отдышаться. Квинт указал пальцем сначала на ветерана, потом на парня и крикнул:

— Эй, ты! И ты! Быстро сюда!

Парнишка подбежал первым, ветеран поднялся тяжело, опираясь на колено.

— Ты чей? — спросил Квинт мальчишку.

— Кузнеца. Он у нас помер.

— Хочешь также? — Квинт показал на солдат.

Парень кивнул так быстро, что чуть не потерял шапку.

Ветеран всё ещё держался за бок.

Квинт глянул на Тиберия, который не совсем понимал, что происходит.

— Значит так. Тиберий, ты будешь тренироваться с ним, — он кивнул на парня, — в свободное от службы время. А ты... — Квинт ткнул в ветерана. — Будешь им за инструктора: подсказывай и следи, чтоб не поранили друг друга. И не отлынивай лишний раз на отдых.

Ветеран посмотрел на мальчиков, потом на Квинта, будто проверял, не шутка ли это, и медленно выпрямился.

— Палки короче берите, — сказал он хрипло. — И не размахивайте, как цепом.

Тиберий встал напротив парня, выставил левую ногу вперёд, как учили на перевале, и поднял палку. Парень ударил сразу, без замаха, и достал его по плечу.

— Ещё раз, — сказал ветеран.

Со второго раза Тиберий успел отвести удар, а на третьем сам ткнул парня в грудь и испугался, что сделал больно.

— Правильно, — сказал ветеран. — Ещё.

Квинт смотрел на них от стола и не мешал.

Он уже больше двух часов смотрел, как центурии отрабатывают манёвры друг против друга. Часто строй распадался и больше напоминал отдельные стычки. Он не выдерживал и без стеснения подходил огреть того или иного нерадивого солдата витисом центуриона по спине, сопровождая это бранью.

Единственной группой, к которой у него не было ни желания, ни необходимости подходить, была турма декуриона Плацина. Две трети его турмы никогда не служили, но декурион учил их так, что это вызывало уважение. С каждым часом они смотрелись всё лучше.

К вечеру вернулись посланные. Тит Валерий шёл между ними, бледный, без пояса, и остановился в десяти шагах, будто дальше дороги не было. Пояс нёс тот, что шёл слева, и держал его так, будто это улика.

— Второй где? — спросил Квинт.

— Лежит, — сказал один из провожатых. — У него жар.

— Вы проверяли?

Провожатый отчеканил.

— Мы нет. Врач был с нами, подтвердил.

Квинт вытер лицо ладонью.

Тит Валерий стоял и смотрел в землю, как стояли все.

— Пояс, — сказал Квинт. — Где взяли?

— В сенях, — сказал провожатый. — На сундуке, поверх сумки.

— Дома оставил, — сказал Тит. — Думал, до вечера.

Квинт шагнул к нему, и Тит отступил на полшага.

— Пояс оставил, — сказал Квинт. — А вещи собрал?

Тит поднял глаза и тут же опустил.

— К брату собирался. Он в Массилии, зовёт к себе с весны.

— С весны, — повторил Квинт. — А записался позавчера.

Тит молчал.

— У него при себе что было? — спросил Квинт провожатого.

— Сумка. Мы не взяли.

И тогда Тита прорвало:

— Я хотел уйти. Совсем.

— Я не трус. Я в строю стоял, я не прятался. Просто их много, а у нас одни старики. Я думал, успею...

— Ты записался сам.

— Записался, — сказал Тит. — Тогда мне казалось, до боя ещё далеко.

Квинт смотрел на него так, будто видел впервые.

— С этого утра ты дезертир, ты предал своих братьев по оружию. Посмотри на сотни этих людей: они готовы истекать потом и кровью, если это значит защитить своих родных и дом. А ты заранее вынес им приговор и решил, что твоя жизнь стоит дороже их жизней, — сказал он.

Тит Валерий побледнел от этих слов. Квинт прошёлся по лицам солдат, которые следили за этим разговором, храня гробовое молчание, и увидел в них холодную решимость: значит, люди согласны с ним.

— Завтра на рассвете состоится казнь. Кто будет его сторожить — имейте в виду: если он к утру сбежит, вы займёте его место.

Когда Тита Валерия увели, к нему подошёл Метелл и, довольный собой, сказал:

— Я кое-что придумал, чтоб снизить число потенциальных дезертиров.

— Порадуй меня, друг.

— Давай, пока война не кончилась, держать всех наших на ночь в старом бараке. Места хватит на всех, там и кухня, и лазарет.

Квинт впервые за эти дни вздохнул легко: может, первая казнь и станет последней.

— Я всегда знал, что префектом лагеря становятся не только за красивые глаза.

Метелл прищурился.

— Я уже попросил привести бараки в порядок. После тренировки можешь гнать народ туда.

— Так и поступим, а сейчас пора подводить итоги тренировочного дня.

Квинт вернулся к столу и взял у Тиберия доску. Мальчик отдал её обеими руками и замер.

— Считал? — спросил Квинт.

— Считал. — Тиберий показал пальцем. — Третья держала строй дольше всех.

— А кто хуже?

Мальчик помолчал, потом ткнул в другую строку.

— Вторая. Они четыре раза рассыпались.

Квинт кивнул, будто и сам так думал, и повернулся к площади.

— Третья центурия, завтра отдыхаете до полудня. Вторая — до темноты на площади.

Вторая ответила глухим гулом, но спорить никто не стал.

— И у меня для вас отличная новость, теперь все мы живём в одном доме.

Барак стоял у самой стены, длинный, с земляным полом и двумя рядами нар. К вечеру в нём пахло пылью, мышами и свежей соломой.

Старики и молодые входили по одному, озираясь, будто в чужой дом, и рассаживались там, где показывали.

— По центуриям, — говорил Метелл, стоя посреди прохода. — Не по друзьям, по центуриям.

Плацин прошёл вдоль нар, тронул одну доску, покачал её и велел подставить подпорку. Квинт стоял в дверях и считал входящих, а Тиберий держался рядом с доской под мышкой.

Половина легла сразу, не снимая сапог. Один старик долго раскладывал плащ, будто собирался спать в нём, а не под ним.

У двери, где стояла жаровня, его обступили трое.

— Центурион, а трибун скоро?

— Как дойдёт, так и вернётся.

— Из леса-то вестей нет, — сказал тот, что был постарше, и посмотрел не на Квинта, а на огонь.

Квинт подумал, что об этом уже спрашивали днём, и что он сам считает дни.

— Лес большой. Вестей не будет, пока он сам не выйдет.

Про себя Квинт решил: если к пятому дню не будет ни слуху ни духу, он пошлёт двоих по следу. И это будет уже не разведка, а поиски.

Тиберий стоял в двух шагах с доской, прижатой к груди, и слышал всё. Квинт заметил, как мальчик крепче взялся за края и обратился к нему.

— Парень, ты можешь не переживать: твой отец и умён, и расчётлив, он скоро вернётся. А пока мы должны делать всё, чтоб он мог гордиться нами, а?

Он слегка коснулся кулаком плеча мальчика, чтоб подбодрить.

Тиберий вымученно, по-детски улыбнулся.

— Ну да, наверное.

— Завтра с утра будет не самое приятное зрелище, и я пойму, если ты захочешь это пропустить. Но если ты хочешь посмотреть, что такое принимать взрослые решения и нести за них ответственность, то лучше прийти. Что думаешь?

Тиберий задумчиво опустил голову, а потом поднял её и с полной серьёзностью сказал:

— Это я обнаружил его пропажу, значит, я должен пойти и посмотреть.

Квинт был удивлён: он имел в виду ответственность дезертира, а мальчик всё принял на свой счёт. Возможно, так даже лучше.

— Молодец, парень. Но если будет плохо, разрешаю закрыть глаза и уши.

* * *

Ночь в бараке прошла в чужом дыхании и скрипе нар. Квинт спал вполглаза и к рассвету поднялся раньше всех.

На площади стоял туман, пахло мокрой соломой. У стены уже ждали двое сторожей, оба не спали и не разговаривали.

Тита Валерия вывели, когда небо посерело. Руки у него были связаны спереди, рубаха измята, и он шёл сам, глядя перед собой, будто считал шаги.

Сотня выстроилась полукругом. Тиберий встал рядом с Квинтом, держась за его рукав, и Квинт не отнял руку. В третьем ряду стоял сын кузнеца с палкой, а рядом с ним, положив ладонь мальчишке на плечо, — тот самый ветеран.

Метелл вышел вперёд с вощёной табличкой и стал читать.

Тиберий не закрыл глаза.

Метелл читал медленно, по складам, как читают люди, которым редко приходится читать вслух: имя, день, слово «дезертирство». На последнем он запнулся и дочитал уже тише: «по военному закону — смерть».

Тит Валерий поднял голову только тогда.

— Господин, — сказал он, — у меня брат в Массилии.

— Знаю, — сказал Квинт.

Больше Тит ничего не просил. Его поставили на колени у стены, и он сам поправил ворот рубахи.

Квинт кивнул одному из сторожей, тому, что был повыше, с топором у пояса.

Удар вышел коротким. Топор вошёл и застрял, и сторож выдернул его двумя руками. Строй не шелохнулся, только кто-то у левого края шумно выдохнул.

Тиберий смотрел и держался за рукав. Квинт видел, что мальчику непросто, но тот держался отлично для своего возраста. Очевидно, у мальца много общего с отцом.

Квинт сожалел, что именно ему пришлось брать на себя решение о казни, но при этом понимал, что по-другому нельзя. А также он точно знал, что с этого момента какие бы тягости на долю этих молодых и старых людей ни выпали, никто из них не захочет оказаться на месте Тита.

Строй постоял и начал расходиться молча, без обычного шума.

— Прикройте его, — сказал Квинт.

Метелл подошёл, глядя на стену, а не на тело.

— Теперь они поверят.

— Теперь они будут бояться, — сказал Квинт. — Это другое.

В лазарете у стены лежал Нумерий. Жар спал к полудню, врач велел держать его ещё день, и Квинт, проходя мимо, сказал только:

— В списке он есть.

На другой день к третьему часу на площади стояли все, у кого не было отметки о болезни. Тиберий сидел у стола и ставил в списке палочку против каждого имени. Когда последний встал в строй, он поднял глаза на ворота и на дорогу за ними.

Там было пусто. Мальчик не сказал ничего, только отложил стилус и стал считать дни до отца.

Глава 8: Должник за соль

Ночь на склоне прошла без огня.

Кассий лежал на плаще, подложив под голову седло, и слушал лес. Лес стоял тихо и ровно, и от этой ровности не спалось. В Тевтобурге он тоже молчал перед тем, как начать.

Эцимиос сидел у ольхи, привалившись спиной к стволу, лук лежал у него на коленях. Он не двигался уже часа два. Кассий сперва решил, что охотник спит с открытыми глазами, потом разглядел, как тот поворачивает голову: медленно, на один звук, и замирает.

— Ты когда спал в последний раз? — спросил Кассий.

— В Нарбоне.

— Это было три ночи назад.

— Я считаю ночи, а не сон.

Кассий повернулся на бок, чтобы видеть его лицо, но в темноте было только плечо и рука на луке.

— Скажи мне вот что. Сколько человек он убил в этих лесах?

— За лето семеро. — Эцимиос помолчал. — Может, больше. Считают тех, кого нашли.

— А сколько нашлось таких, кто пошёл на него с рогатиной?

— За всю свою жизнь слышал о пятерых. — Голос у охотника был ровный, будто он отвечал про погоду. — Вернулись двое. Один не мог сказать, где был, и до сих пор не говорит. Плачет, когда слышит, как мычит скот.

— Значит, бык, которого нельзя убить.

— Я этого не говорил.

Кассий смотрел вверх, в чёрные ветки. Над ними ничего не было видно, и это было хуже, чем видеть.

— Может, это человек, — сказал он. — В шкуре. Кто-нибудь из людей вождя пугает поселения, чтобы никто не выходил на дороги.

— Может, — согласился Эцимиос.

— Ты сам в это не веришь.

— Я верю в то, что видел. — Охотник пошевелился, и под ним хрустнула подстилка. — А вы верите в то, что вам удобно.

Кассий не ответил. Он думал о том, что мальчишка в поселении, тот, что шёл за стременем и говорил про старого воина у переправы, тоже чего-то боялся, и боялся так, что смотрел только в землю. Здесь все чего-то боялись, и ни один не называл этого прямо.

Но Кассий устал прятаться. Из-за зверя они теряли не часы, а сутки: вместо того чтобы идти к цели, сворачивали, прятались и петляли.

Земля под ним дрогнула.

Кассий не сразу понял, что это. Спина стала ловить толчки, частые, мелкие, будто где-то рядом вбивали в грунт сваю. Он сел.

— Что это?

Эцимиос уже приложил ладонь к земле и наклонил голову. Другой рукой он показал Кассию: тихо.

Дрожь шла с запада и в западе же пропала. Потом, через сколько-то времени, оттуда донёсся крик. Он начался высоко, как кричат от испуга, и не кончился. Он тянулся, ломался и снова тянулся, и в самом конце, когда Кассий уже не мог дышать, в нём послышалось что-то похожее на смех.

Кассий нашарил у пояса нож. Руки у него были холодные, и рукоять выскальзывала.

— Он там, — сказал он.

— Он там, — подтвердил Эцимиос. — На той стороне ручья.

— И что нам делать?

— Спать.

Кассий повернул к нему голову.

— Ты смеёшься?

— Я говорю то, что есть, господин. — Охотник снова устроился у ствола. — Он взял своё. До утра не тронет никого.

— А если тронет?

— Тогда вы не проснётесь, и спорить будет не о чем.

Крик оборвался так, будто его отрезали. В наступившей тишине Кассий слышал, как в темноте переступают кони и как у одного из них звякает узда. Он лежал и слушал, пока за ольхами не начало сереть.

Утром они не развели огня и не стали есть. Эцимиос обмотал копыта коней тряпками, оторванными от собственного плаща, и завязал узлы так, чтобы не осталось висящих концов.

— Напрямик так напрямик, — сказал Кассий.

— Напрямик — не значит по прямой. — Охотник подтянул подпругу. — Пойдём низом, где ольха, и обойдём сухостой. В сухостое он ходит: там ветки трещат, и никто не слышит, как он идёт.

Они двинулись в поводу, ведя коней в руках. Лес был мокрый после ночи, и с ветвей на плечи падала вода. Тропы не было вовсе: Эцимиос шёл по каким-то ему одному заметным метам — по мху, по наклону стволов, по тому, где земля проседала под копытом.

— Ты сказал, что он ходит по запаху, — тихо проговорил Кассий.

— Сказал.

— Значит, от него не уйти.

— Можно. — Охотник не обернулся. — Если идти против ветра и не потеть. Кони потеют.

Кассий взял повод покороче. Его собственный конь шёл охотно, но то и дело тянулся к воде, и Кассий каждый раз заворачивал ему голову.

К полудню Эцимиос остановился и поднял руку. Они простояли так с минуту, слушая. Потом охотник сошёл с кочки на землю и присел у ручья.

Там, в размытой глине, был след.

Кассий видел медвежьи следы и знал, как они выглядят: пять пальцев, когти, и всё это косо. Этот был другой. Раздвоенный, глубокий, длиной в его ладонь с половиной, и вода в нём ещё не собралась.

— Он прошёл до света, — сказал Эцимиос. — Пока мы сидели.

— Один?

— Один. — Охотник выпрямился и оглянулся на запад, где ночью кричали. — Он всегда один.

Кассий смотрел на отпечаток. Он не был голоден, но во рту пересохло, и он вдруг поймал себя на том, что считает шаги до ручья и обратно, как считал бы расстояние до строя противника.

— Нам до поселения далеко?

— Если так пойдём, ещё до заката выйдем на поле. Само поселение за полем.

— А если напрямик через этот лес?

— Уже пробовали, — сказал Эцимиос. — Ночью.

Выбрав путь через поле, они двинулись дальше. За последние дни Кассию полюбился дневной лес. Он уже не пугал и своей тишиной не напоминал о Тевтобургском лесу. Другое дело лес ночной: его Кассий успел возненавидеть. С выхода из Нарбона он спал урывками — каждая ночь превращала его в запуганную мышь, которая ждёт, пока кошка про неё забудет.

Поле пошло сразу за ольшаником: жнивьё, сухая трава по грудь коню, и ветер, который здесь наконец был слышен. Эцимиос снял с копыт тряпки и сунул их за пазуху.

— Здесь нас увидят, — сказал он.

— Кто?

— Кто-нибудь да увидит.

На меже отпечатались тележные колёса и босые ноги, шедшие в одну сторону. Впереди, за полем, поднимались крыши, и над одной висел дым, ровный, как свеча. У околицы кто-то стоял и смотрел в их сторону, приложив ладонь к глазам.

Не оборачиваясь на Кассия, охотник сказал:

— Когда войдём в поселение, придерживаемся старой легенды.

Кассий из-за недосыпа становился всё более нервным.

— Как будто я собрался встать в центре этой деревни и объявить, что я римлянин, который принёс им цивилизацию, — сказал он и театрально вознёс руки к небу.

Эцимиос закатил глаза и тяжело выдохнул, всем видом говоря одним словом «Римлянин».

Перед околицей он придержал коня и, не слезая, оглядел Кассия.

— Грязь осыпалась. — Он кивнул на канаву у частокола. — Возьмите ещё.

Кассий слез и зачерпнул у края тёмной воды. Подсохшая корка на щеках размокла под новой, и стало холодно. Руки он вытер о штаны, а не о плащ.

Человек у ворот ждал, не сдвинувшись с места. Когда они подъехали, он сказал что-то негромко, коротко, и Эцимиос ответил так же коротко. Оба засмеялись — быстро и без веселья, как смеются над чужой бедой.

— Что он сказал? — спросил Кассий, глядя в землю.

— Что немой у нас и правда немой. — Охотник тронул коня. — Пошли.

За воротами пахло пивом, дымом и мокрой шерстью. Где-то в глубине поселения смеялась женщина.

Приблизившись к таверне под толстой бревенчатой кровлей, они спешились. Охотник обратился к Кассию:

— Я войду, подожди меня здесь.

Кассий не успел ответить, как Эцимиос уже скрылся в таверне.

Через минуты две охотник вернулся.

— Я поговорил с хозяином таверны, заплатил ему немного, он разрешил нам переночевать в амбаре, вон в том, возле конюшни.

— Очень великодушно с его стороны.

— Мы всегда можем вернуться в лес и заночевать там, если желаешь, господин, — съязвил Эцимиос.

Кассий не нашёлся с ответом и только смерил его взглядом.

— Так я и думал. Очень разумно, господин. А теперь отправляйтесь в амбар и отдохните. Возможно, таких безопасных ночей у нас больше не будет.

— А ты?

— Я пойду в таверну один. Вы будете привлекать ненужное внимание. Я заметил, что там есть парочка выпивших мужчин, попробую разузнать что-нибудь, после вернусь к вам.

На этом они разошлись.

В амбаре пахло пылью и старой соломой. Кассий расседлал коня на ощупь и бросил седло у стены. Гладий он вынул из перемётной сумы и положил рядом, у изголовья.

Дверь он оставил приоткрытой. Из таверны тянуло дымом и слышались голоса: один рассказывал громко, с длинными паузами, остальные смеялись не в тех местах, где следовало, и от этого было понятно, что уже налили не по первой.

Кассий сидел у двери и ждал, что начнёт разбирать слова. Язык не давался, уши уставали раньше, чем он успевал поймать хоть одно знакомое слово. Ключица ныла ровно и тупо.

Он лёг на солому, и она показалась ему очень мягкой и уютной. Он никогда раньше подумать не мог, что его тело может быть ему благодарно за вонючую солому в сыром амбаре.

Ещё он стал думать, можно ли доверять молодому охотнику: тому ничего не стоило сдать его, пока он здесь валяется. С другой стороны, это казалось ему невозможным.

Проснулся он от скрипа двери и от света, который прошёл по лицу. В проёме стоял Эцимиос с фонарём, и за его спиной небо было чёрное, без звёзд.

— Спите, — сказал охотник шёпотом. — До света ещё далеко.

Он притворил дверь, поставил фонарь на пол и сел на седло, вытянув ноги. Пахло от него пивом и дымом, но шёл он ровно.

Кассий сел и нашарил гладий.

— Ну?

— Сидели трое возчиков. Те, что возят соль. — Эцимиос смотрел на фонарь. — У переправы их видали. Говорят, вожак бунтовщиков собрал больше, чем болтал мальчишка.

— Насколько больше?

— На глаз там никто не считал.

Он поднял глаза.

— Утром надо решать, господин. Идти туда или нет. — Он помолчал. — Ночи у нас, может, больше такой не будет.

Он не помнил, как уснул. Проснулся, когда на улице ярко светило, и ему казалось, что он проспал целую вечность.

Эцимиос сказал с улыбкой.

— Я рад, что вы выспались. Надеюсь, вам снились прекрасные девы.

Он чувствовал себя отдохнувшим и не стал напускать суровость.

— Спасибо, что не прирезал, пока я спал.

— Я слишком хотел спать для этого.

— Ладно, если ты нашутился, нам пора в путь. Кажется, мы проспали гораздо больше положенного.

— Тут не поспоришь, — подытожил охотник, седлая коня.

За воротами человек, что стоял у околицы, проводил их взглядом и не окликнул. Кассий обернулся у первого поворота: поселение уже легло за полем, и над крышами висел дым.

Ехали шагом, чтобы не гнать коней по жаре.

— В лагере вас не спросят, кто вы, — сказал Эцимиос. — Спросят, чей вы.

— И что мне отвечать?

— Ничего. Вы немой. — Охотник поправил лук на плече. — Я скажу, что вы мой должник. За соль. Должников там не расспрашивают.

— А если кто-нибудь узнает?

— Тогда бегите. — Он помолчал. — Но не раньше, чем я скажу.

Он вывел коня на колею, и дальше они ехали молча, пока лес не сомкнулся над дорогой.

— Я ещё кое-что подслушал из разговоров пьяниц. Предводителя бунтовщиков зовут Думоникс. По описанию высокий, бледнокожий воин с пышными усами.

— Что-то ещё?

— Говорят, полгода назад он начал сколачивать отряд из людей, озлобленных на римскую власть, — отрешённо пересказывал Эцимиос.

— И много тут таких, обозленных?

Охотник посмотрел на него, как на человека, задавшего глупый вопрос: — Немало точно, но сколько из них отчаялись настолько, чтобы взяться за оружие, не скажу. Людей душат налогами, и многие считают, что Рим ничего, кроме рабского ошейника, не предлагает, и что такова суть империи как таковой: забирать ресурсы земли и жизни, пока не выжмут досуха. По правде говоря, сложно винить людей за такие взгляды.

Кассий прежде об этом так не думал. Он как римлянин вырос на мысли о том, что Рим за ресурсы и верность предлагал защиту, порядок и блага цивилизации. Как бы ему ни было неприятно, высказанная точка зрения молодого охотника как минимум была неглупа.

Речушка была мелкой, коням по грудь. Кони остановились сами и пили долго, шумно, а с берега тянуло тиной и мятой. Ветер шёл вдоль русла, прохладный, и после дорожной пыли дышалось легко.

Он понял, что дальше молчать нельзя.

— Эцимиос, могу я задать прямо вопрос и рассчитывать, что ты ответишь честно?

Охотник смерил его взглядом, словно зная, какой именно вопрос последует, и просто кивнул.

— Почему ты с нами, а не со своими соплеменниками?

С абсолютно серьёзным лицом отчеканил Эцимиос:

— Потому что я галл! — и разразился певучим смехом, прижавшись к коню.

Кассий наблюдал за ним с невозмутимым лицом. Он уже привык к непонятным для него выходкам охотника и просто решил дать тому закончить своё баловство.

У охотника выступили на глазах слёзы.

— Этот ответ больше подошёл бы вашим философам, а не варвару, правда?

Кассий хранил молчание, и Эцимиос начал приходить в себя.

— В общем, если серьёзно, то всё дело действительно в том, что я галл. Вы, римляне, больше действуете из соображений практичности, мы же из соображений чести и верности. Возможно, именно поэтому у вас больше могущества: мы с вами как правда и ложь — у лжи всегда много возможностей, а правда всегда одинока. Метелл был близким другом моего отца. Когда моего отца убили, я был ещё совсем мал; Метелл взял меня в свой дом и воспитывал как родного сына. Ко мне многие ветераны в колонии были добры, они учили меня, заботились обо мне. Я галл, и я не забываю тех, кто меня обидел, как и не забываю тех, кто был добр ко мне.

Кассий вспомнил, как за Эцимиоса вступился на совете Метелл. Теперь понятно почему: парень был ему как сын.

— Знаешь, если бы ты не стал охотником, вполне мог бы быть философом.

Охотник ухмыльнулся.

— Ты сказал, что твой отец был убит, как это случилось?

От шутливого настроения Эцимиоса не осталось и следа. Он помрачнел и процедил сквозь зубы: — Зверь.

Кассий не стал давить. Эцимиос долго молчал, потом заговорил сам: — Хочешь всю правду? Прежде чем мы покинули Нарбон, я узнал, что вожак бунтовщиков и зверь поклоняются одному божеству. Что они связаны. — Он помолчал. — Тогда я тебе не сказал: не знал, пойдёшь ли ты. А теперь выходит, что для того, чтоб подобраться к зверю, мне нужно провести тебя в лагерь. Так тому и быть.

Кассий осмысливал услышанное и медленно качал головой из стороны в сторону, прикидывая, чего в этом больше: правды или обиды.

Они ещё какое-то время ехали молча, пока Эцимиос снова не повеселел.

— Господин, скажи-ка, а ответишь ли ты так же честно на мой вопрос?

— Постараюсь.

— Почему Риму всегда мало? Почему вы не можете довольствоваться тем, что имеете? Почему вам всегда нужно украсть больше земель? Втоптать в грязь больше святынь?

Кассий немного помолчал, думая.

— По правде говоря, Эцимиос, я не уверен, что знаю ответ на этот вопрос. Но вот как я думаю, империя подобна человеку, а тому всегда мало, он всегда голоден и всегда будет стараться взять больше, чем может унести. Стремления человека не останавливаются насыщением, они останавливаются только смертью. А в вопросе смерти, что применимо к человеку, то применимо и к империи.

Лес кончился сразу, будто его отрезали ножом.

В низине, у самой воды, стоял лагерь. Дым от костров стлался низко и не поднимался: день был сырой. В этом дыму двигались люди. От этого вида у Кассия кольнуло в груди. Он считал костры: у воды их горело не меньше сотни, а на такой костёр в походе садятся человек по десять. Выходило больше тысячи. У реки стояли кони, много коней, и брод был отмечен вбитыми в дно кольями. Пахло скотом, мокрой шерстью, варёной репой и дымом. Где-то плакал ребёнок, ровно и упрямо, и никто его не унимал.

— Капюшон ниже, — сказал Эцимиос. — И глаз не поднимайте, пока я не скажу.

Кассий смотрел в землю и считал: две тропы вдоль воды, коновязи на три десятка коней, на склоне двое дозорных. Третий, наверное, спит в шалаше.

У входа в лагерь, где дорога сбегала к воде, их остановили двое с рогатинами. Старший поднял свою поперёк дороги.

— Чей?

— Мой, — сказал Эцимиос. — Должник. За соль.

— Откуда идёте?

— С низовья. Через брод.

— Через брод теперь не пройти.

— Мы прошли, — сказал Эцимиос. — Пока вода не поднялась.

Стражник посмотрел на Кассия: на капюшон, на руки, спрятанные в рукавах, на коня под ним. Потом что-то коротко сказал охотнику, и тот ответил так же коротко. Стражник хмыкнул и отвёл рогатину.

— Проезжайте. Только всех новых велено вести к вожаку.

Эцимиос не изменился в лице. Когда они въехали, он наклонился к Кассию и сказал, не разжимая зубов:

— Что бы он ни спросил, вы немой. И в глаза ему не смотрите.

У самого большого костра, в глубине лагеря, поднимался человек в длинном плаще. Он был выше всех, кто стоял рядом, и смотрел в их сторону.

Глава 9: Немой

Костёр вожака сложили из трёх целых брёвен, сдвинутых концами, и огонь шёл по ним ровно, не треща. Пахло смолой и варёной репой. Люди вокруг сидели на перевёрнутых корытах и на сёдлах, ели из одной чашки и на приезжих не оборачивались.

Думоникс был выше всех, кто стоял рядом, и держался так, будто никуда не спешил уже много лет. Плащ у него на плечах лежал широко, усы свисали ниже подбородка, и в них запуталась крошка. А его вдумчивый взгляд указывал, что это человек, привыкший думать за себя и за других. На вид ему было около сорока лет.

— Должник, — сказал он.

Эцимиос ответил сразу, коротко, и Кассий услышал в его голосе то, чего не слышал раньше: уважение, с которым говорят с теми, кто может навредить. Топор на коротком топорище висел у него на поясе, и охотник придерживал его локтем, чтобы не стучал.

Думоникс оглядел Кассия сверху. Взгляд прошёл по капюшону, остановился на руках, спрятанных в рукава, и вернулся к лицу.

— Что ж он смотрит в землю? — спросил вожак, щуря глаза.

— Немой.

— Нем-о-о-о-й, — повторил Думоникс. — Немые смотрят в землю. А этот смотрит мне в сапоги и считает, сколько до них шагов.

Он сказал это спокойно, как говорят про погоду, и кто-то у костра коротко засмеялся.

Кассий не поднял головы. Ему казалось, что Думоникс видит его насквозь, и он старался не думать об этом. Он смотрел на носки сапог вожака: кожа мягкая, сшитая по ноге, но подошва стоптана с наружного края, как стоптана она у всех, кто много ходит по косогору. В грязи у каблука белела соляная пыль.

— За соль платят работой, — сказал Думоникс. — Или солью. Соли у него нет.

Эцимиос что-то ответил, и вожак выслушал до конца, не перебивая.

— Пусть будет при тебе, — решил он. — И при конях. Мне конюхи нужны: половина этих, — он повёл рукой в сторону костров, — держит повод как верёвку.

Он сел на седло, лежавшее у огня, и поднял руку. От соседнего костра подошёл мальчишка лет тринадцати, босой, в отцовской рубахе до колен.

— Колья, — сказал ему Думоникс. — Пять. И нож.

Мальчишка убежал и вернулся, неся охапку тонких ольховых стволов. Нож он подал вожаку рукоятью вперёд, и это тоже было видно: мальчишку учили, как подают нож. Это очень не нравилось Кассию: их учили порядку.

Думоникс взял его и протянул Кассию через огонь.

— Строгай.

Кассий взял нож. Лезвие было короткое, с выщербиной у острия, рукоять обмотана ремнём. Он взял его так, как брал оружие: тремя пальцами за рукоять, отставив указательный вдоль обуха.

— Ха, вот, — сказал Думоникс, и в голосе не было насмешки, скорее вызов. — Ты смотри, охотник. У твоего должника рука солдата.

Эцимиос ответил не сразу. Кассий слышал, как тот подбирает слова, и не двигался.

— Он и был солдатом, — сказал наконец охотник. — До того, как попал ко мне.

— Чей?

— Не знаю. Немой вряд ли расскажет.

Думоникс засмеялся, и на этот раз засмеялись все, кто сидел у огня, будто им разрешили. Смех был короткий, без злобы, и от него стало хуже, чем от крика.

— Немой солдат, — сказал вожак. — Хорошо. Солдаты мне нужны больше, чем конюхи. Солдат мне нужен.

Кассий сел на землю там, где стоял, положил ольховый ствол на колено и начал строгать. Кора сходила завитками, нож шёл ровно. Он старался резать мелко, как режут кол для изгороди, а не как обтёсывают древко, и получалось у него не очень: руки помнили другое. Пока он работал руками, мозг лихорадочно продолжал соображать: бунтовщик признал в нём солдата, но позволяет ему остаться, усыпляет бдительность?

Думоникс смотрел на него до второго кола, потом отвернулся к своим и стал говорить быстро, с длинными паузами. Кассий ловил ритм и ничего не понимал. Слова в галльском шли густо, одно цеплялось за другое, и в конце фразы голос всегда падал.

Эцимиос стоял в двух шагах и переводил не сразу, а по одному предложению, будто пробовал на язык.

— Он говорит, что людей больше, чем он ждал, и что через месяц будет ещё больше, — сказал охотник тихо, не разжимая зубов. — И что кормить их будет всё труднее.

— Что ещё?

— Что зерно идёт из долины. Через два дня придут повозки.

Кассий резал и считал: костров у воды не меньше сотни, но сегодня к ним прибавилось ещё, на склоне, и у тех новых костров люди сидели теснее, будто недавно пришли и ещё не знали, где их место. Вдоль берега стояли шесть повозок с солью, накрытые шкурами, и возле них ходил человек с рогатиной. Брод был отмечен кольями, по три на каждую сторону, и вода между ними шла быстрее, чем вокруг.

— А что он спросил про руки? — спросил Кассий.

— Ничего. — Эцимиос помолчал. — Он не спросил.

На закате Кассию показали, где стоять. Их место было у коновязей, на самом краю лагеря, где начинался ольшаник и куда не доходил свет от костров. За день в лагере он украдкой присматривался ко всему и заметил одну странность. Дозорных ставили не как попало. Кассий прошёл вдоль края и насчитал их десяток: каждый стоял так, чтобы видеть двоих соседей, и все на ровном расстоянии друг от друга, а у крайних костров копья лежали рядами, древками в одну сторону. Так не делает толпа, которая взялась за оружие. Так делает тот, кто видел, как это устроено у других, и запомнил.

Эцимиос принёс из общей кухни полбуханки хлеба и кусок варёной репы, онисъели это молча, сидя на перевёрнутом корыте.

— Я пойду посмотрю, — сказал охотник, когда стемнело.

— Куда?

— К огням. — Эцимиос вытер руки о штаны. — Где пьют, там говорят. Мне надо знать, где его держат.

— Кого?

— Ты сам знаешь, кого.

— Стой, будь осторожнее. Этот Думоникс куда умнее и предусмотрительней, чем я думал. Вокруг него, на разном расстоянии, всё время стоят не меньше десяти человек и смотрят. Судя по всему, это его личная охрана, и один из них постоянно наблюдает за нами.

Охотник выслушал, не переменившись в лице.

— Буду.

Он ушёл и не возвращался долго. Кассий остался у коней. Он расседлал своего, осмотрел холку, провёл ладонью по ногам. Конь дышал неровно, и от него пахло чужим потом: их поставили в общий табун, и чужой жеребец кусал его за шею.

Мимо шла женщина с ребёнком на руках, за ней девочка несла ведро воды и расплёскивала на ноги. Ребёнок смотрел на Кассия через материнское плечо, долго и без страха. Кассий опустил глаза.

Через коновязь от него сидел на земле старик и плёл из ремня что-то узкое, вроде обмотки. Он работал не глядя, и пальцы у него двигались сами.

— Ты чей? — спросил старик, не поднимая головы.

Кассий покачал головой и показал на горло.

— Немой, — сказал старик. — Ну и ладно.

Он больше ничего не спросил и плёл до темноты.

Ночью в лагере не стало тише. У костров говорили до полуночи, кто-то пел, где-то плакал ребёнок, и всё это было ближе и плотнее, чем в лесу. Кассий лежал под плащом, положив гладий рядом, у правой руки, и слушал.

Эцимиос вернулся, когда костры уже прогорали. Он лёг рядом, не снимая плаща, и долго молчал.

— Ну? — спросил Кассий, не поворачивая головы.

— У третьего костра люди обсуждали, что скоро будет очередное подношение Эзусу через зверя. И боюсь, тебе не понравится то, кого они выбрали для жертвоприношения. Это пока все, что я выяснил.

— Кто?

— Один из взятых в плен ауксилариев, они держат его где-то в лагере. А теперь давай спать.

— Где его держат?

Эцимиос не ответил. Он уже лежал на боку, отвернувшись, и дышал ровно, как дышат спящие или те, кто хочет, чтобы их считали спящими.

Кассий остался смотреть в темноту. Слово «ауксиларий» он знал слишком хорошо: такие стоят там, где в строю образовалась дыра, и их имена потом не попадают в списки потерь.

Он попробовал представить себе этого человека и не смог: вместо него вставал кто-то из тех, с кем он шёл под Тевтобургом.

Зверь приходит ночью и берёт одну жертву. Если подношение готовят, значит, ночей осталось немного, и каждую из них он, римлянин, будет лежать в двухстах шагах от пленного и слушать, как в лагере поют.

Он закрыл глаза, но сон не шёл.

Уснул он под утро и проснулся от голосов у ворот.

Через лагерь вели человека в пыльных сапогах, с мешком за спиной. Его не обыскивали и не толкали в спину: двое шли рядом, а не сзади, будто провожали гостя. У костра вожака с него сняли мешок и подали ему чашку.

Эцимиос стоял у коновязи и слушал, наклонив голову.

— Что он говорит? — спросил Кассий по-латыни, не поворачиваясь.

— Что в Нарбоне с третьего дня чинят оружие и считают людей по домам. — Охотник помолчал. — И что у ворот стоят возы, каких раньше не ставили.

У костра вожака заговорили все сразу, и разговор пошёл быстрее. Кто-то побежал к дальним кострам.

— Значит, в городе уже знают, что мы выйдем, — сказал Кассий по-латыни, не разжимая зубов. У коновязей было пусто.

Эцимиос продолжил: — Вожак говорит, что им уготована великая победа, и они войдут в Нарбон и насадят головы римлян на копья. Но для этого им нужно ещё немного подкопить силы, а римляне всё равно не соберут достаточно людей, чтоб сбить заслон на мосту.

До полудня лагерь изменился. С соляных повозок сняли шкуры и начали укладывать мешки иначе, ровнее и ниже, чтобы держались на ходу. У кузницы стучали в два молота. Мимо коновязей погнали скот к броду, и мальчишки бежали рядом, не давая стаду разбрестись.

Эцимиос вернулся от костра вожака и сел на корыто рядом.

— Они не будут ждать: они готовят засаду в ущелье, на случай если римляне решат пойти вглубь, — сказал он тихо.

Кассий кивнул.

— Часть коней уже увели вверх по реке.

Кассий смотрел, как укладывают мешки, и считал. Если лагерь снимется раньше, чем он думал, они уйдут вместе с ним, и весть о засаде никуда не дойдёт.

К полудню мимо коновязей провели человека.

Кассий заметил его раньше, чем понял, почему смотрит: тот шёл ровно, не горбясь, и держал руки так, будто их связали, хотя их не связали. На нём была римская туника, вылинявшая до цвета пыли, и одна калига, вторая нога обмотана тряпкой.

Он поравнялся и сказал, не поворачивая головы:

— Ты откуда?

Кассий смотрел в землю.

— Немой, — сказал человек. — Хорошо.

К Кассию обратился бородатый галл, что вёл пленника. Он говорил приказным тоном, указывая сначала на пленного, потом на воду, потом на землю перед ногами. Кассий понял: отвести к воде и напоить.

Кассий взял пленного за локоть и повёл к берегу. Там было мелко, и человек опустился на колени прямо в ил, зачерпнул горстью и пил долго, шумно.

— Ты римлянин, — сказал он, подняв голову.

Кассий молчал.

— Не бойся. Мне уже всё равно, кто ты. — Пленный вытер рот ладонью. — Меня зовут Секунд. Взяли у моста, я из когорты, что стояла за рекой. Нас было двое. Второго они повесили на дуб, а меня берегут. Для их бога.

Кассий оглянулся: бородатый галл стоял у коновязи и смотрел на них.

— Ты ведь меня не спасёшь? — спросил с надеждой пленный.

Кассий печально покачал головой.

Тогда пленный настойчиво посмотрел ему в глаза: — Тогда обещай, слышишь, обещай, брат, что ты отомстишь за меня и наших ребят. А я тебе обещаю, что приму смерть как гордый римлянин.

Кассий медленно склонил голову. Пленному этого хватило.

Кассий поднял его за локоть и повёл назад.

Бородатый галл принял пленного за плечо и увёл, не оглянувшись.

Кассий вернулся к коням. Руки дрожали, и он занялся сбруей, чтобы это переждать: ремни, пряжки, шершавая кожа под пальцами.

— Что он сказал? — спросил Эцимиос, подойдя.

— Просил отомстить.

Охотник долго молчал.

— Он понял, кто ты?

— Понял.

— И не выдал.

Кассий промолчал.

Эцимиос посмотрел туда, куда увели пленного, потом на лес за рекой.

— Тогда будет за кого, — сказал он.

Кассий затянул пряжку и проверил, не режет ли ремень коню шею. За рекой стоял лес, ровный и тихий, и в нём не было ничего, что можно было бы назвать зверем. От этого становилось хуже.

Ночь прошла без крика.

Дальше дни пошли ровно, и Кассий считал их по кострам. Каждое утро на склоне прибавлялось по два, по три, и люди у новых огней держались уже смелее, будто знали, куда идут.

За ним смотрели. Не в упор: человек, которому это было поручено, оказывался у коновязей то с вязанкой сена, то с ведром, и каждый раз с другой стороны. Кассий не поднимал глаз и работал.

На третье утро к нему подошёл бородатый галл, что водил пленного, сказал одно слово и показал на костёр вожака.

— Пошли, — перевёл Эцимиос. — Он тебя зовёт.

Думоникс сидел у огня на седле, и рядом никого не было: значит, разговор не для многих. Он показал Кассию на землю перед собой, и тот сел.

— Вожак спрашивает, сколько ты хочешь за службу, — сказал Эцимиос, став у него за спиной.

Кассий показал на свои руки, потом на коней.

— Не понял, — сказал Думоникс и, не дожидаясь перевода, повторил по-латыни: — Ты не конюх.

Кассий не поднял глаз. Латынь была простая, из тех, что знают все, кто торговал с Римом, но выговор оказался чище, чем у торговцев, и слова он ставил ровно.

— Мне нужны такие, — сказал вожак. — Останешься — дам коня и долю.

Кассий постарался кивнуть как можно с большей благодарностью.

Думоникс сказал ещё что-то, длиннее и медленнее.

— Он говорит, что предлагает тебе не только наживу, но и свободу выбирать, кем ты хочешь быть, и жить как тебе вздумается. Это то, что тебе не предложит Рим. Ещё он говорит: раз ты солдат, завтра с утра пойдёшь с новыми к броду. — Охотник помолчал. — Их учат ходить в строю, и выходит у них плохо.

Кассий не двинулся.

— Он говорит, ты покажешь им, как это делается. — Охотник помолчал. — Можно отказаться.

Думоникс ждал и улыбался. Улыбка была не злая, будто он уже всё про них понимал и проверял только, далеко ли они пойдут ради коня и доли.

Кассий подумал, что отказ будет значить, что ему есть что скрывать. А согласие будет значить, что завтра он станет учить врагов римскому строю.

Он кивнул во второй раз.

От костра они отошли молча.

К вечеру в лагере зажгли больше костров, чем накануне, и у каждого варили в котлах.

— Подношение бывает в ночь перед тем, как войско уходит, — сказал Эцимиос. — Так говорят у всех огней.

— Значит, в ту же ночь, когда они пойдут к ущелью, — сказал Кассий по-латыни, вполголоса.

— В ту же.

Кассий смотрел на огни. В эту ночь лагерь будет занят собой: пляской, зельем, зверем. Стража станет хуже, а лес ближе.

— В эту ночь мы и уйдём, — сказал он по-латыни, совсем тихо.

— А зверь? — спросил охотник.

Кассий не ответил. Эцимиос тоже молчал и смотрел в огонь, и по лицу его было видно, что он уже всё решил.

Ближе к ночи в лагере началось веселье: мужчины, женщины, дети пили, пели, танцевали.

Кассий смотрел не на пляску, а на тех, кто в ней не участвовал. Таких было немного: они стояли по краю круга, как днём стояли дозорные, и смотрели не на огонь, а на людей.

— Не пьют, — сказал он Эцимиосу по-латыни.

— Не пьют, — согласился охотник. — Вожаку нужны трезвые глаза.

В круг вынесли ещё котёл, и к нему потянулись с чашками.

— Если подадут и нам, придётся пить, — сказал Эцимиос.

— Знаю, — сказал Кассий по-латыни.

— А если не подадут, тоже плохо.

Тут вожак, державший в одной руке копье, а во второй чашу, вбежал на помост из наваленных брёвен и поднял руки.

Люди начали замолкать и окликать тех, кто ещё не заметил этого действа.

Когда через минуту воцарилась тишина, вожак начал громко, певучим голосом, напомнив Кассию ораторов в Риме.

— Братья и сестры! До сегодняшнего дня Эзус благоволил нам, наша численность росла, ряды укреплялись, и мы одерживали маленькие победы!

Люди возликовали в тон своему вождю.

— Сегодня мы принесём Эзусу особенную жертву, то будет кровь римлянина! А после Эзус дарует нам великую победу, одним ударом мы уничтожим все их силы, если они будут упорны в своём вероломстве и пойдут вглубь за нами. Смерть Риму!

Кассия оглушил рев, прокатившийся по лагерю, люди кричали, повторяя раз за разом «Смерть Риму!», стучали мечами, копьями и топорами о щиты, топая ногами.

— А сейчас мы будем праздновать, вкушайте прелести этой ночи! — Он осушил чашу и спрыгнул с помоста.

Веселье продолжилось по лагерю с удвоенной силой. Через минуту к ним подошёл мальчишка с двумя чашками, и в каждой что-то тёмное пахло тиной, травами, дикими грибами и дымом.

Эцимиос взял обе и одну отдал Кассию. Мальчишка не ушёл, а встал в двух шагах, чтобы видеть.

Кассий поднёс чашку к лицу. Пахло тиной и грибами, и под этим было ещё что-то сладкое, отчего пить не хотелось.

Эцимиос выпил первым, до дна, и вытер рот ладонью.

Кассий выпил тоже. Горько не было. Тепло дошло до желудка и осталось там, а огонь у костра вскоре стал шире, будто кто-то подложил дров.

Мальчишка кивнул и ушёл.

— Сегодня, — сказал Эцимиос по-латыни. — Он ведь сказал «сегодня».

Кассий смотрел на тёмную гущу на дне. Где-то в этом лагере держали римлянина, который умрёт нынешней ночью, а он стоял здесь и держал пустую чашку.

Он поставил чашку на землю.

Кассий почувствовал пелену в глазах, потряс головой, чтоб её стряхнуть, и заметил, что люди стали замолкать и смотреть в сторону леса, хотя не было видно ничего, кроме деревьев, освещённых ближайшими кострами.

Тогда в тишине он услышал в лесу тяжёлую поступь, а после рев, похожий на бычий. У него похолодело в затылке, и опьянение словно отступило: он понял, что начинается обряд.

Он искал на лицах вокруг тот же страх, что раздирал его, и не нашёл: было только предвкушение, какое он видел в Риме на трибунах перед боем гладиаторов.

Сначала из леса шёл только бубен: удар, пауза, ещё удар, и в эти паузы успевало влезть пение — много голосов, не в лад, на одной ноте, будто тянули канат.

Потом пение оборвалось, и стало слышно, как в темноте что-то тащат по земле, тяжело и с хрустом.

Бубен ударил чаще.

Кассий ждал, что закричит человек. Человек закричал не сразу: сперва глухо стукнуло, затем раздался звук ломающихся костей, и только потом мычание человека, который поставил последней задачей в жизни не закричать от боли на потеху врагу. Мычание было сначала коротким, под новые звуки ломающихся костей стало высоким. А после оборвалось.

Люди вокруг не двинулись. Женщина у ближнего костра прижала ладони к лицу и закачалась.

Ветер принёс запах горелой шерсти и ещё чего-то тёплого, что Кассий знал по полям сражений.

Страх отступил, и на его место пришла злость, какой Кассий раньше не чувствовал. Всё это время он сжимал кулаки так, что они побелели, а в ладонях выступила кровь от впившихся ногтей.

— Идём, нам пора, — сказал он по-латыни.

— Куда?

— Уходим, пока им не до нас. — Кассий кивнул в сторону леса: если дорога к мосту идёт через зверя, то так тому и быть.

Эцимиос не спросил, зачем. У него было такое лицо, будто он ждал этого разговора с первого дня.

Они взяли плащи и пошли вдоль коновязей, где темнота стояла плотнее. Ноги шли легко, слишком ровно, будто не по земле, а по доскам, и Кассий поймал себя на том, что не помнит, сколько шагов сделал.

У третьего костра пели. Кто-то окликнул их, но не встал.

Лес начался сразу за ольшаником и встал вокруг стеной. В нём пахло сыростью и чем-то тёплым. Где-то впереди, неблизко, ударили в бубен.

Идти было легче, чем Кассий думал. Дурман снял страх, а с ним и осторожность: ветки хлестали по лицу, и он не поднимал рук.

Эцимиос шёл впереди и держал направление по тому, что знал только он: по мху, по наклону стволов. Он ни разу не обернулся и ни разу не сбился.

Бубен остался позади и влево, потом ушёл за деревья. Вместо него слышалось пение, уже не хором, редкими голосами, будто люди начали расходиться.

— Тихо, — сказал охотник.

Кассий остановился. Земля под ним дрогнула, раз и другой, мелко, как дрожит она, когда рядом вбивают в грунт сваю.

Эцимиос присел и положил ладонь на землю. В темноте было видно, как он улыбается.

— Идёт, — сказал он.

Впереди большой куст раздвоился, и из него шагнула фигура на двух ногах. Кассию казалось, что время замедлилось, в глазах рябило. На открытом месте, освещённом луной, он разглядел: выше человека на голову, шире в плечах, тело покрыто длинными волосами. С головы росли два рога: один скрученный кругом, второй острый, с загибом назад. Потом луна достала лицо: один глаз был выше другого, нос широкий, приплюснутый, ноздри раздувались.

Больше времени его рассматривать не было. Кассий старался говорить тихо.

— Я вытяну его на себя, обойди его.

Он не знал, услышал ли его охотник, потому что тот пропал из вида.

Зверь медленно приближался, словно примеряясь к жертве, Кассий также медленно отходил назад и по сторонам, пытаясь прочитать скорость реакции зверя. Накатывающий дурман, который вначале помог притупить страх перед опасностью, теперь начал мешать, голова была как в тумане, а внешность зверя начала плясать, словно меняя формы.

Когда зверь приблизился, Кассий метнулся вперёд, выставив меч, чтобы достать ему живот. Его поразило, как увернулась такая крупная фигура. Он попробовал, разворачиваясь, ударить рубящим, но рука на половине движения замерла, будто врезалась в стену: зверь перехватил его кисть с мечом.

Кассий рванул руку на себя. Зверь подался назад едва заметно, и Кассий не успел поднять лица, как получил удар свободной рукой. Рука была медвежья, только без когтей.

Он рухнул на колени, но меч не выпустил, и земля шла кругом. Тогда зверь схватил его за плечи и отшвырнул. Кассий влетел в высокий валун плечом и бровью. Плечо онемело, будто стало чужим, а из рассечённой брови в глаз хлынула кровь.

Зверь остановился в шаге от него и издал победный рёв.

Эцимиос подбежал с разбега, и за рёвом зверя его шагов не было слышно, и всадил ему топор в спину. Рев сменился воплем. Зверь обернулся и метнулся к охотнику; тот успел перехватить из-за спины деревянное копьё и выставить его перед собой.

Кассий одним глазом видел эту сцену, но понимал увиденное с задержкой.

Зверь налетел на копьё, и оно прошило ему живот, но движение не замедлилось: Эцимиоса, державшего копьё, понесло спиной назад. Через несколько шагов он упёрся в дерево.

Древко под тяжестью зверя изогнулось, как перетянутая тетива, и с треском обломалось посередине.

Зверь начал колотить охотника. Первые удары Эцимиос принял, прикрываясь руками, но один пришёлся в живот и выбил воздух, он согнулся, следующий обрушился на голову и свалил его к ногам зверя. Тот выдернул из живота обломанное острие.

Кассий с трудом поднялся и начал движение: одна рука не слушалась, безвольно свисая, один глаз не видел, залитый кровью, но вторая рука крепко сжимала меч.

Зверь замахнулся, нацелив острие копья в охотника, стоявшего на четвереньках, когда за спиной раздался крик:

— Даже не думай!

Он обернулся и на инстинкте поднял руку к лицу. Кассий в последний момент сменил колющий удар на рубящий; лезвие прошлось снизу вверх, и следом, как тяжёлый мешок, упала отсечённая рука зверя. Тот издал надрывный вопль и прижал обрубок к груди.

Кассий не успел перестроиться. Зверь второй рукой наотмашь ударил его по лицу, и Кассий рухнул на спину, видя над собой пылающие глаза.

Он знал, что это конец, он понимал, что это правильно, что так и должно быть. Он должен сгинуть в лесу, так он очистится. Не было сожалений, наоборот облегчение. В голове только успело промелькнуть, что он хотел бы, чтоб Тиберий вырос достойным человеком, но он об этом наверняка не узнает, зато он найдёт Флавию в тенях.

Зверь сел на него сверху и целой рукой сдавил горло. За ним появился охотник и всадил ему нож в затылок; зверь дёрнул головой назад, и острый рог пробил грудь Эцимиоса.

Эцимиос одной рукой перехватил торчащий в груди рог покрепче, второй рукой выдернул нож из затылка, и одним быстрым движением перерезал горло зверю.

Из горла фонтаном хлынула на лежавшего Кассия тёплая кровь. Тело пошло судорогой, вопль сменился бульканием, и зверь завалился в сторону. Вместе с его падением рог вышел из груди Эцимиоса, тот прижал руку к ране и осел к дереву.

Кассий не мог встать, поэтому подполз к Эцимиосу на четвереньках: оперся одной рукой о его колено, другой о плечо и рассматривал рану в груди, понимая, что она смертельная.

Он не понял, от дурмана или нет, но эмоции хлынули из него как прорвавшаяся бурная река.

Он тряс Эцимиоса за плечо и кричал ему в лицо:

— Глупый! Глупый мальчишка! Что ты натворил! Это должен был быть я! Я должен умереть! Не ты!

Каждый вздох давался Эцимиосу с трудом. Он ухмыльнулся.

— Ты просто будешь скучать по моим шуткам, признайся... римлянин... — и закашлялся.

Кассий, не веря в произошедшее, качал головой.

— Так не должно было закончиться.

— Должно... я же тебе говорил... я послужил Метеллу за добро... и отомстил за отца. Я галл.

Он сжал руку Кассия.

— Римлянин... друг.

Они держали руки сжатыми, потом рука Эцимиоса разжала хватку. Кассий поднял глаза и увидел застывший стеклянный взгляд охотника.

— Я надеюсь, что когда придёт моё время, я найду тебя в тенях, брат.

Кассий поднялся на слабых ногах и, шатаясь, побрёл вперёд. Голова не могла соображать, он старался держать фокус только на одной мысли.

«Добраться до колонны раньше, чем та попадёт в засаду».

Он не знал, сколько времени брел, когда увидел маленький родник, он склонился над ним, и начал жадно пить воду, а потом прислонил усталое тело к камню.

Надо немного отдохнуть и идти дальше. Глаза закрываются. Нет, нельзя. Всё равно закрываются. Главное держать голову высоко, тогда не усну. Голова клюнула вперёд. Он поднял её и с силой раскрыл глаза. Глаза снова закрылись. Голова упала на подбородок. Сон.

Разбудил его холод и голоса.

Кассий сел. Бровь стянуло, глаз заплыл, и мир стал наполовину меньше; плечо не двигалось вовсе. Внизу, за деревьями, перекликались: коротко, по два слова, и между словами слышался треск веток.

Они шли не цепью, а по двое и забирали в ту сторону, откуда он пришёл ночью. Искали место, где убили зверя: вожак послал их найти его, а заодно поискать беглецов.

Кассий посмотрел на руки. Кровь запеклась до локтей, своя и чужая, и от неё пахло железом и тем тёплым, что принёс тогда ветер.

Он встал, держась за ствол. Идти надо было не от них, а впереди них: к мосту. И он знал, что если не успеет до темноты, то не успеет вовсе.

Он шёл и пробовал вспомнить ночь по порядку, а ночь не складывалась.

Он помнил куст, который раздвоился, и фигуру, шагнувшую из него. Помнил, как зверь перехватил его кисть и как рука не поддалась, будто её держали не пальцами, а камнем. Помнил рог в груди Эцимиоса.

А как он сам оказался у родника, не помнил. Между валуном и родником лежал провал, ровный и тёмный, будто из ночи вырезали кусок.

Может, зверь был не такой. Может, рогов не было вовсе и глаз сидел на месте, а всё остальное дорисовал грибной отвар.

Только руки помнили вес меча, а рубаха на боку задубела от крови, и кровь была не его.

Он попробовал сосчитать удары и сбился на втором.

— Всё равно, — сказал он вслух, один в лесу, и голос вышел чужим. — Он был.

К полудню лес начал редеть.

Кассий вышел на опушку и сел за орешник, чтобы отдышаться.

Внизу, за полем, блестела река. Мост стоял на месте, две тёмные линии над водой, и по нему шло движение: маленькие, как муравьи, люди, кони и что-то ещё, чего он не мог разобрать заплывшим глазом.

Он смотрел долго и не понимал, свои там или нет.

Дыма над мостом не было, если не считать одной тонкой струи, уходившей в небо у самого берега.

За спиной, в лесу, крикнули. Крик отозвался и погас.

Кассий поднялся и пошёл вниз, к реке, уже не скрываясь: если на мосту свои, он успеет, а если нет, то всё равно.

Он шёл через поле, не оглядываясь.

У моста стояли люди в железе. Кассий видел щиты, поставленные на землю, повозку, вставшую поперёк дороги. Ветер донёс запах мокрой шерсти и дыма.

Один из них повернул голову и крикнул.

Кассий остановился. За спиной, в лесу, трещали ветки, и голоса погони выходили на опушку.

Он открыл рот, чтобы ответить.

Из горла не вышло ничего. Он стоял на краю поля, римлянин, который неделю был немым, и голос, которым он не пользовался, к нему не вернулся.

Он поднял здоровую руку.

Глава 10: Третья центурия

На восьмой день Тиберий поставил на доске восьмую палочку и пошёл на площадь, не дожидаясь Квинта.

Там уже грузили. Повозок было девять, и две из них без волов: волы ушли в поле, пока ветераны собирались на войну, и Метелл послал за ними мальчишку с верёвкой.

Квинт стоял у первой повозки и смотрел, как укладывают мешки с мукой. Мешки ложились неровно, один бок выше другого, и он не выдержал, подошёл и переложил верхний сам.

— Так довезём, — сказал возчик.

— Так довезём, — согласился Квинт. — А на первой яме оно поедет вбок и перевернёт тебе всё на дорогу.

Возчик посмотрел на него и ничего не сказал, но остальные мешки уложил ниже.

Плацин пришёл с докладом, когда солнце поднялось над черепицей. Его турма стояла у коновязей в полном составе, тридцать всадников, и кони под ними были не из лучших: у половины рёбра видны, у трёх спина стёрта седлом.

— Смотрю на них каждое утро, — сказал Плацин. — Лучше не становятся.

— Сколько дней им даёшь?

— С фуражом дойдут. Без фуража встанут на второй день.

Квинт кивнул. Он знал это и без Плацина.

Тиберий держался в двух шагах с доской под мышкой и слушал. Он научился слушать так, чтобы его не отправляли домой: не переспрашивать, не вертеться, смотреть в землю, как смотрят взрослые, когда считают.

— Фураж на десять дней, — сказал Квинт. — Так и грузи. Восемь мешков на повозку, овёс отдельно. Вода в бочках, бочки засмолить заново, старые текут.

— Смолы мало, — сказал Метелл, подошедший с другой стороны. — На бочки хватит, на подковы нет.

— Тогда подковы снимем с мёртвых коней, а смолу оставим на бочки.

Метелл усмехнулся, но записал.

Они прошли вдоль площади все трое, и Квинт считал вслух: семьсот сорок девять человек, девять повозок, триста двадцать щитов, из них сорок без ремней; копий двести с наконечниками, остальное древки. Пращников сорок, камней к ним нет, будут собирать по дороге.

— Если они ударят раньше, чем мы выйдем, — сказал Плацин, — ударят по городу.

— Не ударят, — сказал Квинт. — Им нужен тракт. Пока мы сидим, тракт их.

Он сказал это спокойно: сам так думал, а Плацину с Метеллом нужно было слышать голос, в котором нет сомнения.

Тиберий шёл следом и в конце сказал:

— У отца было написано: на десятый день.

— На десятый, — сказал Квинт.

— Значит, послезавтра.

— Значит, послезавтра.

Мальчик помолчал.

— А если он не вернётся к послезавтрашнему?

Квинт остановился. Он мог сказать, что трибун вернётся, как говорил в бараке; мог сказать, что лес большой. Он посмотрел на доску в руках мальчика, на восемь палочек, ровных, будто их резали по линейке.

— Тогда мы выступим без него, — сказал он. — Такой был приказ.

— Я знаю. — Тиберий провёл большим пальцем по краю доски. — Я хотел спросить другое. Возьмите меня в обоз.

— Нет.

— Я не в строй. Я при повозках. Я считал бы, кому сколько выдать.

Квинт смотрел на него дольше, чем следовало. Упрямство в мальчике было отцовское: такое же, с каким Кассий ушёл в лес за чужим человеком, хотя мог остаться.

— Тебе восемь дней назад велели остаться. — Он пошёл дальше. — Останешься.

Тиберий не спорил. Он редко спорил, и от этого с ним было труднее, чем с теми, кто кричит.

— Лучше посмотри сегодня на последнюю тренировку. Может, заметишь то, что я упущу.

— Ты так говоришь каждый день.

— Может и так, но сегодня действительно особенная тренировка. Она последняя. Завтра люди будут отдыхать перед выступлением.

Квинт решил начать тренировку не как обычно, с утра, а к полудню.

Когда люди собрались на плацу, Квинт выдержал паузу.

— Сегодня особенный день, мальчики. Центурия против центурии, до полной победы одной и капитуляции другой. Потом победившие центурии против друг друга. И так пока не останется одна.

Люди заворчали: их и так гоняли каждый день с утра до ночи, а сегодня требовали биться до изнеможения.

— А ну заткнулись, ленивые ублюдки! У меня и подарок есть: завтра вы все будете отдыхать, никаких тренировок.

Бились на утоптанной земле, деревянными мечами, досками от бочек вместо щитов. Квинт ходил сбоку с витисом и не мешал, пока не начинали бить лежачего.

Первая центурия смяла вторую за час: старики на левом краю сдали, и Квинт запомнил, кто именно сдал.

К полудню осталось четыре центурии, к вечеру две. Победила третья, та, что и в первый день держалась дольше всех. Люди сидели на камнях: у одного кровь из носа, у другого рассечена бровь, и никто не поднимался.

Квинт прошёл вдоль них, заглядывая в лица.

— Завтра отдыхаете. Всё, что могли, я из вас выжал. — Он помолчал. — Стоять в строю вы теперь умеете. Дальше как выйдет. А теперь строем возвращайтесь в барак, кому нужна помощь — в лазарет.

Строй дошёл до барака и рассыпался у дверей. Кто-то сел прямо на землю, кто-то пошёл к колодцу, держась за бок; вода из ведра шла по рукам, и её расплёскивали на утоптанную пыль.

Квинт задержал двоих, что сдали левый край, и сказал им коротко, без злости: сдают те, кто оглядывается. Оба кивнули, глядя в землю.

Тиберий ждал его у стола с доской.

— Третья победила. Я считал, — сказал он и показал палочки. — У них было меньше всех сдавшихся.

— Заметил, кто во второй держал строй, когда остальные отходили?

— Нет.

— Смотри на ноги, а не на лица. — Квинт забрал у него доску. — Научишься.

К вечеру Квинт поднялся на стену у ворот и простоял там до темноты.

Стена была низкая, кладена из камня, взятого с развалин, и с неё было видно дорогу до поворота. Утром прошли две телеги с репой, днём стадо, к вечеру не прошло ничего.

— Смотришь? — спросил Метелл, поднявшись следом.

— Смотрю.

— Восемь дней смотрю. Никого.

Квинт не ответил. Внизу, у ворот, сторож с топором у пояса прохаживался от створа к створу, и топор у него на ремне поскрипывал.

— Если он не вернётся, — сказал Метелл, — выступать тебе.

— Знаю.

— И командовать тоже тебе. Скажи это при людях, не то на дороге начнут искать, кого слушать.

— Скажу утром.

Метелл постоял, погладил шрам у виска и ушёл вниз, ступая тяжело, как все, кто давно не бегает.

Квинт остался на стене. Ночь была тёплая, и от реки тянуло тиной. Он пересчитал по памяти, что ещё не готово: бочки, подковы, шестьдесят копий без наконечников, лестницы, которых не было ни одной, и он весь день не знал, понадобятся ли они, если пойдут дальше моста. Потом перестал считать, потому что от счёта не становилось легче, и стал смотреть на поворот дороги, пока тот не растворился в темноте.

Дома он лёг на лавку в горнице, не раздеваясь, как ложился уже пять ночей. Тиберий спал за перегородкой. Около полуночи мальчик заговорил во сне, тихо и часто, как говорят в бреду, и Квинт поднял голову, чтобы слушать.

Слов было не разобрать. Одно он всё-таки поймал: короткое, с двумя твёрдыми согласными, будто кашель.

Квинт сел, посидел, свесив ноги, потом встал, подошёл к перегородке и постоял у проёма, глядя, как мальчик дышит. Тот повернулся на другой бок и замолчал.

Утром Квинт вышел на площадь раньше всех и велел бить в доску для сбора.

Собрались быстро. Отдых сделал их сговорчивее, чем любой окрик: люди пришли без опоздавших, и шеренги выровнялись сами.

Квинт поднялся на камень у колодца.

— Трибун в лесу, вестей от него нет, — сказал он, не повышая голоса. — Пока его нет, приказы мои. Завтра на рассвете выходим к мосту, как он велел. Фураж на десять дней, вода в бочках, щиты и копья проверить до вечера. Кто не встанет в строй, того я найду сам.

В задних рядах кто-то спросил:

— А трибун?

— Вернётся — догонит.

Метелл стоял справа от камня и кивнул. Плацин слева не кивнул, но посмотрел на своих всадников и что-то сказал ближнему, и тот побежал к коновязям.

Тиберий стоял у стола с доской и не поднял на Квинта глаз.

Вечером Квинт позвал Метелла и Плацина в горницу и велел принести доску Тиберия с перерисованным трактом.

— В последний раз пройдёмся, — сказал он. — Завтра в это время мы уже будем на дороге.

Говорили недолго: хлеб, вода, где вставать на ночь, кто выходит первым. Турма Плацина — за час до пехоты: без всадников впереди колонна слепая.

Потом Квинт сказал то, о чём молчал четыре дня.

— На пятый день я предлагал послать двоих по следу.

Метелл отвёл глаза. Плацин ответил сразу, как отвечал тогда:

— В лесу мы потеряли бы ещё двоих и не нашли ни одного.

— Знаю, — сказал Квинт. — Тогда я согласился. Сколько бы я ни смотрел на его план, лучше не придумаю. Плохо одно: он не оставил наказа, как быть после моста. Придётся решать на месте.

— После моста приказ кончается, — сказал Плацин. — До моста всё ясно, дальше нет.

— Трибун велел занять плацдарм, дать людям день отдыха и идти к Таураксу, — сказал Метелл.

— Так он говорил при всех, — согласился Квинт. — Только Тауракс он называл со слов охотника. Охотника нет, а в лагере у переправы, если верить его словам, было больше тысячи.

Метелл поскрёб щёку.

— Тогда решим на месте.

— Небольшие уточнения к плану от меня. Третья центурия пойдёт в авангарде, только им доверю первыми сойтись с врагом.

Он немного подумал:

— И да, не забывайте, всё сведётся к тому, сможем ли мы быстро перестроиться из походной в боевую колонну и действовать решительно. Проследите, чтобы сделали.

Квинт сложил доску Тиберия и поставил её к стене, лицевой стороной внутрь.

За перегородкой было тихо. Слишком тихо для спящего: мальчик всегда ворочался перед тем, как уснуть. Квинт постоял, прислушиваясь, и ничего не сказал.

Потом вышел во двор. До света оставалось четыре часа.

Поднимали затемно, без доски, по одному слову, переданному от костра к костру. Никто не кричал, никто не спрашивал, куда и зачем: за девять дней это успели выучить.

Квинт прошёл вдоль колонны от последней повозки до первых шеренг и вернулся к воротам. Ворота были раскрыты настежь, за ними лежала дорога, серая в предрассветном свете.

У столба стоял Тиберий, в плаще поверх рубахи, с доской под мышкой.

— Я вас посчитал, — сказал он. — Семьсот сорок восемь.

— Где ещё один?

— В лазарете. Ногу разбил на тренировке.

Квинт проверил по памяти: так и выходило.

— Считай дни, — сказал он. — Каждый, с утра.

Тиберий кивнул.

У коновязи ждала Тулия, женщина в тёмном платке, та, что спорила на совете и потом принесла на площадь хлеб. Квинт узнал её сразу.

— Я его возьму, — сказала она, не здороваясь. — Дом за рынком, места хватит.

— Кормить дважды в день, — сказал Квинт. — Он не скажет, что голоден.

— Знаю.

— И к воротам не пускать. Если вернётся трибун, я отвечу перед ним за мост, а не за мальчика.

— А перед мальчиком кто ответит? — спросила она.

Квинт посмотрел на неё и не нашёл, что ответить. Что за женщина. Тиберий взял доску под мышку и встал рядом с ней, будто уже решил.

Квинт обернулся к колонне. В тишине его было хорошо слышно:

— Воины, дальше не будет времени на разговоры, поэтому скажу сейчас. Я рассчитываю, что когда мы перейдём мост, вы заставите меня вами гордиться. А если нет, то ваши задние проходы познакомятся с моим гладием.

Ветераны весело ухмылялись, а некоторые из молодых рассмеялись. За девять вместе проведённых дней они привыкли к норову своего командира.

Квинт тронул коня и выехал первым.

Колонна вытягивалась медленно, как всегда вытягивается всё, что собрано из людей, повозок и скота. Первая шеренга третьей центурии прошла ворота, за ней вторая, потом скрипнули колёса, и Метелл у столба начал считать повозки вслух.

Квинт обернулся один раз. Тиберий стоял у столба, прижимая доску к груди, и не махал.

За виноградниками дорога пошла под уклон. Через час Плацин увёл турму вперёд, и всадники пропали за гребнем; прошло ещё немного, и с гребня вернулся один — передал, что до поворота пусто.

Квинт ехал в голове колонны и слушал, как за спиной, в хвосте, кто-то затянул песню и на середине оборвал, потому что никто не подхватил.

Он знал, что его людям страшно, многие уже не помнят своего последнего боя, а другие идут на него впервые. Он ухмыльнулся, потому что, несмотря на это, был уверен: они ещё удивят самих себя.

К полудню дорога вошла в лес и пошла между стволами, тесно, так что повозки задевали ветки. Здесь Квинт велел встать.

Повозки оттянули в хвост и развернули поперёк дороги. Пращники ушли к ручью набирать камни, и их мешки отяжелели. Квинт объехал центурии и расставил: первый ряд со щитами, второй положил копья на плечи первым, третьему велел не бежать.

Метелл подошёл, вытирая лицо.

— Земля дрожит, — сказал он. — Конная.

— Наша.

Вернувшийся всадник Плацина осадил коня так, что тот сел на задние ноги.

— За мостом стоят. Костры горят, людей много.

— Сколько? — спросил Квинт.

— Думаю, сотни четыре.

Квинт кивнул. Четыре сотни — то же, что сказал охотник на совете: заслон, чтобы колонисты сидели за стенами и смотрели.

— Турме держать лес по эту сторону, — сказал он. — Пехоте строиться в походную колонну и идти за мной. Перед мостом перестроимся.

Метелл придержал его коня за повод.

— Люди не ели с рассвета.

— Поедят после моста.

— А если они нас ждут?

— Ждут, — сказал Квинт. — Только не сегодня. Они думают, что мы ещё сидим и считаем дни до когорты.

Он отпустил повод и поехал вперёд, к первым шеренгам. За спиной застучали древки, заскрипели колёса, и колонна снова тронулась, на этот раз без песни.

Мост показался через полчаса, между стволами, серый на серой воде. В ширину мост брал человек пять, не больше.

Квинт остановил коня на опушке и смотрел недолго.

На той стороне у самой воды горели три костра, и вокруг них сидели и стояли люди. Один что-то варил в котле над огнём. К мосту никто не подходил, рогатин у входа не было видно.

Он вернулся к колонне.

— Перестраиваемся. Третья центурия вперёд, первая за ней, вторая в резерве у леса. Пращники пойдут по бокам, за щитами, пока не выйдем на середину.

Люди сдвигали щиты, поправляли ремни, кто-то подтягивал подпругу. Квинт объехал строй сбоку, заглядывая в лица, и не сказал больше ни слова: всё, что мог, он сказал утром.

Потом поднял руку.

— Вперёд.

Мост загудел под сотней шагов. Доски пружинили, между ними в щелях видна была вода, и кто-то в заднем ряду сказал вслух: «Не в ногу», и все сразу пошли не в ногу.

На той стороне зашевелились. Люди у костров поднимались, кто-то бежал за рогатиной, кто-то просто стоял и смотрел, как на них идёт стена щитов.

Бунтовщики бегом строились плотной массой у входа на мост со своей стороны.

— Пращники, — сказал Квинт.

Пращники вышли по бокам на середину моста, раскрутили ремни и пустили первый залп. Пращникам не надо было быть особенно меткими, чтоб попадать в такую плотную массу. Камни застучали по дереву и по телам; один костёр разлетелся, и искры пошли низом над водой. Раздались первые вопли: камни, попадая по рукам и телам, ломали кости.

Второй залп лёг плотнее первого. В толпе у входа на мост кто-то упал, и его поволокли назад, а на его место встали двое.

— Довольно, — сказал Квинт. — Назад.

Пращники отходили за щиты, пятясь, не поворачиваясь спиной, и успели как раз вовремя: на мосту стало тесно, и первые ряды бунтовщиков уже появились на мосту.

Квинт прикинул глазами, сколько им осталось до первого ряда, потом проревел:

— Пилумы, по готовности!

Первый залп пилумов прошёл с небольшой задержкой, второй вышел более синхронным.

В небо взметнулись десятки копий с металлическими наконечниками, потом словно задержались наверху и полетели вниз на надвигающуюся массу бунтовщиков. Пилумы прошивали тела, щиты бунтовщиков.

Двумя залпами удалось прорядить волну атакующих и сбить порыв в задних рядах.

Никто в первых рядах третьей центурии не сдвинулся с места; первый ряд присел, опустив щиты пониже, чтобы крепче держать удар.

Бунтовщики большей массой добежали до щитов, и бой стал тем, чего Квинт ждал и боялся: толкотнёй на пяти шагах ширины.

Стена выдержала удар и подалась на полшага. Квинт видел, как в первом ряду у стоявшего слева старика подогнулись колени, и он снова выпрямился, упираясь щитом.

Первый ряд работал из-под щита, коротко, в низ живота и в бедро. Второй бил гладиями поверх, через плечо. На досках под ногами разлилась кровь, и там, где её натекло больше, ноги поехали; стоявший справа от Квинта ветеран оступился, и его тут же выдернули назад, за спины, а на его место встал из третьего ряда, даже не дождавшись приказа.

Квинт видел над щитами только рогатины, головы и чужие открытые рты. Он ни разу не ударил сам: держал строй глазами.

Мост держал.

Люди натужно кряхтели, одни пытались сбить строй и сдвинуть назад, другие всеми силами удерживали позицию.

Квинт видел, что перед центурией скапливается всё больше тел, и задним приходится переступать через своих павших. То и дело из центурии вытаскивали убитых, а раненые отходили назад, и их место тут же занимали товарищи.

Квинт по опыту знал, что так долго продолжаться не может. Развязка близка.

— Держитесь, парни, ещё немного, и они никогда не забудут третью!

Бунтовщики попросту не ожидали, что их может встретить такая дисциплина и упорство, они с самого начала налетели, что есть мочи, и у этого была своя цена. Атакующий порыв начал выдыхаться. Нужно было уничтожить боевой дух врага.

Квинт увидел это и не стал медлить:

— Всем приготовиться!

— Вперёд!

Строй шагнул разом, короткими шагами, не разрывая линии. Первые бунтовщики попятились, ещё держа рогатины перед собой, а те, что стояли за ними, уже оборачивались.

Через десять шагов на мосту стало просторно. Через двадцать бунтовщики побежали, и бегущих было больше, чем тех, кто остался драться.

— Не разрывать строй! — Квинт шёл вместе с третьей центурией, теперь уже впереди. — До берега, там стой!

Турма Плацина вылетела из леса с двух сторон и пошла по берегу, срезая отставших, и Квинт крикнул всадникам, чтобы не гнались дальше костров: в незнакомом лагере конный отряд пропадёт за одну ночь.

На берегу он остановил центурию сам, у первого потухшего костра.

Мост был взят.

Считать принялись сразу. В центуриях набралось девятнадцать убитых, раненых — больше сорока, и двоих пришлось держать, чтобы не ушли в строй обратно. Тела бунтовщиков стаскивали к воде и складывали в ряд, накрыв рогожами; пленных взяли троих, и один из них, молодой, всё повторял, что он из-под Толозы и его позвали на месяц.

Квинт не мог не радоваться, глядя на своих людей: они гордились победой и, перебивая друг друга, рассказывали, кто что сделал.

Повозки перегнали через мост. Метелл расставил караулы, велел жечь костры и варить кашу сразу на всех.

Квинт сидел на камне у воды, слушал, как за спиной ругаются над котлом, и смотрел на запад, где за лесом лежала дорога.

Костров было три. В ту ночь у переправы горело больше сотни.

Позже, когда сменились караулы, Квинт позвал Метелла и Плацина к своему костру.

— Утром надо решать, — сказал он. — Приказ был: занять плацдарм, дать людям день и идти к Таураксу. Охотник говорил другое: вождь стоит у старой переправы.

— Охотника нет, — сказал Метелл. — Спросить некого.

— И переправу мы видели только его глазами, — добавил Плацин.

Квинт кивнул. Он думал об этом ещё с утра и не нашёл ни одного довода тяжелее другого: приказ писал человек, который верил охотнику, а охотник, судя по всему, погиб. Но внутри было какое-то незнакомое чувство, которое требовало поступить не по расчёту.

— Плацин, мне нужно, чтоб ты взял свою турму и сейчас ехал вглубь. Мне нужно знать, что там творится.

Плацин не спорил. Он вообще не задавал лишних вопросов, и от этого с ним было легко.

— Насколько глубоко? — спросил он.

— До старой переправы. Если увидишь, что там пусто, вернёшься и скажешь.

— А если не пусто?

— Тогда скажешь, сколько их.

Плацин кивнул и пошёл к коновязям. Через четверть часа тридцать всадников шли через мост шагом, чтобы не отвлекать людей топотом, и только отъехав, перешли на рысь.

Метелл смотрел им вслед, потом сел к огню напротив Квинта.

— Ты не знаешь, зачем послал его, — сказал он.

— Знаю, — ответил Квинт. — Просто не так, как ты думаешь.

Он подбросил в огонь веток и сел ровнее.

— Сведений у нас хватает. Того, что говорил охотник, и того, что я видел сам, пока шёл за ним по лесу. Мне нужно было послать кого-то вперёд, чтобы завтра решать не в пустоте. Иначе я до утра буду сидеть и выбирать между его словом и его приказом, и ничего не выберу.

Метелл помолчал.

— А если турма вернётся и скажет, что там тысячи?

— Тогда я буду знать, что иду на тысячи.

— Без турмы мы слепые, — сказал Метелл. — День, может, два.

— День у нас есть.

Он вспомнил утро: Тиберий у столба с доской и его же слова — считать дни. Если завтра колонна пойдёт вглубь, мальчик будет отмечать эти дни один, в доме Тулии, и не знать, когда вернётся отец. Об этом Квинт не сказал никому: ни Метеллу, ни Тиберию, ни Тулии.

Он прошёл вдоль берега, где под рогожами лежали свои девятнадцать, и вернулся к костру. Лёг, не снимая плаща, и закрыл глаза.

Крикнули у моста, когда он только начал засыпать.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.